

本
格

СОДЗИ
СИМАДА

ДЕРЕВО-ЛЮДОЕД
С ТЕМНОГО ХОЛМА

Содзи Симада
Дерево-людоед с Темного холма

Soji Shimada
Kurayamizaka no Hitokui no Ki

* * *

Все права защищены. Книга или любая ее часть не может быть скопирована, воспроизведена в электронной или механической форме, в виде фотокопии, записи в память ЭВМ, репродукции или каким-либо иным способом, а также использована в любой информационной системе без получения разрешения от издателя. Копирование, воспроизведение и иное использование книги или ее части без согласия издателя является незаконным и влечет уголовную, административную и гражданскую ответственность.

© Шерегеда Т. С., перевод на русский язык, 2022

© Оформление. ООО «Издательство „Эксмо“», 2022

* * *

Время действия: сентябрь 1984 года

Джеймс Пэйн (время и место рождения неизвестны)

Ятиё Фудзинами, 61 год, род. в 1923 году, разведена с 1970 года; живет в доме Фудзинами

Родные дети:

Сын Таку, 38 лет, род. в сентябре 1946 года; Фудзинами Хэйм, квартира 401

Сын Юдзуру, 37 лет, род. в 1947 году; Фудзинами Хэйм, квартира 301

Дочь Рэйна (Леона Мацудзаки), 21 год, род. в 1963 году; Фудзинами Хэйм, квартира 501

Икуко – жена Таку, женаты с 1976 года

Тэруо Мицумото, 52 года, род. в 1932 году, второй муж Ятиё (с 1974 года); живет в доме Фудзинами

Миюки Мицумото, 16 лет, род. в 1968 году, дочь от первого брака Тэруо; живет в доме Фудзинами

I. Пролог. 1945 год. Шотландия

Шел апрель. Вдали от Японии, в горах на окраине деревни Фойерс в Шотландии, что на севере Британских островов, мужчина в одиночку неустанно строил причудливый дом.

Сперва он строил его вместе с отцом, втайне от жителей деревни выкладывая кирпичи по периметру стального каркаса, но, состарившись, отец решил поручить отделку сыну, удалившись спокойно доживать свои дни в деревенском доме у всех на виду, – поэтому жители деревни и не подозревали о строительстве тайного жилища в горах.

У необычного дома не было ни единого окна, хотя с вершины холма открывался прекрасный вид: стоя у входа, сквозь рощу буковых деревьев вдалеке можно было разглядеть вытянутое озеро.

В столь туманном регионе озеро можно было увидеть лишь в течение нескольких солнечных дней в году, но тогда оно было подобно блестящему ожерелью, достойному королевы, – сияло так, словно в его воде были спрятаны бриллианты, а стоило закатному солнцу опуститься, как его поверхность становилась золотой.

Мужчина не хотел, чтобы жители деревни, находящейся в получасе ходьбы от озера, знали о его секретном жилище, поэтому строил его глубоко в лесу, в удалении от горной дороги. Он намеренно выбрал заросли буковых деревьев, сквозь которые даже с воздуха невозможно было что-либо разглядеть. Мужчина осмотрительно не прокладывал дорогу к единственному входу – чтобы не протоптать ее по склону холма. Снова и снова приходя к дому, он специально каждый раз подбирался к нему с разных сторон.

Мужчина был застенчивым и скрытным, поэтому не очень ладил с жителями деревни. Особенно тяжело ему давалось общение с женщинами – единственными его подругами могли стать разве что девочки лет десяти.

Мужчина был еще молод, ему только исполнилось тридцать, но он не испытывал нужды в деньгах – в Лондоне, большом городе на юге, у него была своя фирма, которой он управлял вместе с приятелем. И мог, не раздумывая, тратить любые суммы на подарки для знакомых детей.

Устав от строительства дома, мужчина, бывало, спускался с холма к озеру, чтобы отдохнуть. Каждую субботу туда на велосипеде приезжала девочка Клара, что жила вместе с матерью в деревне Даллес в десяти километрах оттуда. Она собирала редкие цветы, что росли у озера, чтобы к возвращению отца из города Инвернесс воскресным утром поставить их у окна.

Мужчина был поражен красотой девочки. Ее блестящие золотистые волосы вились, пушок на щеках и на шее также отливал золотом на солнце, даже ее длинные ресницы казались золотыми. У Клары была белоснежная кожа, нежные розовые губы и большие зеленые глаза, как у многих девушек этой северной страны.

Подружившись с девочкой, мужчина каждую субботу, прихватив с собой подарки и разнообразные угощения, отправлялся на встречу с ней на поляну у озера. И девочка со временем тоже стала с нетерпением ждать этих встреч.

Но мужчине этого казалось мало. Девочка была так мила и притягательна, что он хотел обнять ее и не отпускать, мирно спать рядом с ней... казалось, он был готов съесть ее.

Поэтому однажды мужчина убил Клару прямо в том самом лесу – он не мог даже подумать о том, чтобы попрощаться с ней до следующей субботы. Час разлуки приближался, а он не готов был с ней расстаться.

Утопив велосипед Клары в озере, он забрал ее тело, теперь принадлежавшее лишь ему одному, в свой секретный дом, что он строил на склоне холма. Той ночью он спал в обнимку с бездыханным телом девочки.

На следующий день он захотел еще крепче обнять златовласую головку Клары, поэтому отделил ее от туловища. Прижав голову к

себе, он снова и снова гладил ее по волосам, целовал ее холодные щеки.

Затем он снял с нее всю одежду, разрезал ее живот и вынул все внутренние органы. Мужчина страстно хотел узнать ее секрет – понять, что же именно так привлекало его в этом маленьком беззащитном существе. Он полагал, что, изучив все ее части и потаенные места, он сможет понять, чем она так очаровала его.

Однако, чем дольше и тщательнее он рассматривал ее тело, тем меньше понимал причину своей страсти. Разделенное на маленькие отдельные кусочки плоти, оно все больше походило на тушки кроликов или собак, не вызывавших у него особых чувств.

Тогда мужчина, используя нож, с большим трудом вынул зеленые глаза девочки. Ведь, возможно, именно в них крылась причина его безумия?

На какое-то время это его удовлетворило. Он был счастлив петь и танцевать в одиночестве, бережно держа глазные яблоки Клары в руках, но постепенно улыбка стала исчезать с его лица – чистые зеленые глаза, так привлекавшие его своей красотой, помутнели и потеряли цвет.

Впав в уныние, мужчина полдня просидел без дела. Однако было необходимо как можно быстрее закончить строительство дома, чтобы успокоить отца. Кроме того, труп девочки, пропавшей без вести, нельзя было оставлять вот так – ее родители и полиция могли заявиться к нему, ведя поиски.

Мужчина решил спрятать останки в стене дома, который он строил. Стоит залить тело цементом – и о нем никто никогда не узнает!

Сперва мужчина смешал с цементом всю кровь, вытекшую из тела девочки. Затем пригвоздил ее останки к северной стене дома – он заново собрал ее тело из частей, постаравшись установить его вертикально, а голову присоединил к телу, намотав волосы на забитые в стену гвозди. Ему хотелось повторить особенно

полюбившуюся сцену: прекрасная Клара, стоящая одна среди цветов на берегу озера.

Разместив тело девочки таким причудливым образом, мужчина отступил назад, чтобы хорошенько все рассмотреть. Он был впечатлен, уловив загадочную, странную красоту в открывшемся ему зрелище: девочка стала похожа на искусно изготовленную куклу, неживую и неспособную двигаться, но все же прекрасную. Она была подобна пригвожденной к стене бабочке с распростертыми крыльями, во много раз более впечатляющей, чем живая бабочка, летающая в поле.

Мужчина остался доволен результатом. Целый день он любовался Klarой, а потом принялся заливать ее останки цементом. Один толстый слой за другим, тщательно и аккуратно, пока труп девочки окончательно не пропал из виду.

Минуло десять лет, и беспорядки мировой войны утихли. Полицейский из деревни Даллес тщетно пытался выяснить, куда исчезла Клара, каждую субботу ездившая на озеро за цветами. Снова и снова прочесывая окрестности, он наконец нашел дом мужчины, скрытый глубоко в лесу.

Странный дом на склоне холма удивил полицейского. Зайдя внутрь, он был ошеломлен: в доме без единого окна царил кромешная тьма.

Обшарив весь дом с фонариком, полицейский не обнаружил ни единого намека на тело девушки.

Отчаявшись, он вернулся в Даллес и той же ночью, лежа в постели, вдруг подумал о той стене, где могли быть спрятаны останки.

На следующий день, прихватив с собой товарищей, полицейский вернулся в таинственный дом, чтобы разломать цемент в северной стене.

Но как же обстояло дело? Тело девочки попросту исчезло! Кто-то действительно спрятал тело Klары в стене давным-давно, но за десять лет оно окончательно испарилось, подобно дыму.

Однако полицейский из деревни Даллас не догадывался об этом, поэтому, пробив дыру не только в северной стене, но и в остальных трех, он, разочарованный, вернулся восвояси, коря себя за ошибку.

В конце концов пропавшую Клару так и не нашли, а похитивший ее преступник остался непоиманным. Преступление не было раскрыто, и никто из людей, не раз тщетно пытавшихся разгадать эту запутанную загадку, так и не смог узнать ответ.

II. 1984 год. Станция Басямити

Шел сентябрь 1984 года. Лето только закончилось, а в воздухе уже разливались освежающие запахи осени. В то время в Йокогаме частный детектив Киёси Митараи был никому не известен, поэтому дома у нас клиенты не появлялись. Заказов на расследования совсем не было: стоило появиться хоть какому-нибудь интересному заголовку или газетной статье, как Митараи, казалось, был готов сам выйти на улицы и начать разнюхивать. У меня тоже было довольно много свободного времени.

Возможно, дело было в обыкновенной осенней хандре, но в тот год я почувствовал себя особенно одиноким – не приглашая никого из друзей, бесцельно бродил в одиночестве по улицам Йокогамы, берегу моря и старым складским районам. Я мог часами рассеянно наблюдать за волнами, приближающимися к каменной набережной у моих ног, за опавшими листьями, покрывавшими поверхность воды, за струйками фонтана, неуклонно поднимавшимися, чтобы обрушиться вниз.

Вспоминая о том времени, я думаю, что был подавлен и испытывал некоторую ностальгию, возможно, из-за отсутствия в моей жизни любимой женщины. Слово «ностальгия» верно лишь отчасти – ведь Йокогама сперва была, так сказать, местом, вызывавшим именно горькие воспоминания. Стоило моему другу заговорить о переезде в Йокогаму, как я готов был кричать, что поеду куда угодно, только не туда.

Со временем мои душевные раны затянулись, и места, куда, как я думал, больше не смогу ступить при жизни, стали производить совсем иное впечатление – я был удивлен, как скоро смог спокойно ходить по дорогам вдоль городского канала и рядом с главным иностранным кладбищем. Подобно тому, как алкоголь из горького пойла, от которого воротись нос, постепенно превращается в

сладкий нектар, эти места, порождавшие болезненные воспоминания, стали вызывать у меня теплые чувства.

В конце концов, я был очень благодарен Митарай, заставившему меня переехать в этот район, – без этой шоковой терапии я, возможно, не смог бы до конца своих дней даже приблизиться к Йокогаме.

Однако это была не единственная причина, по которой осенью 1984 года я бесцельно бродил по улицам. Сейчас я осознаю, что, возможно, чувствовал себя одиноким, потому что в кругу моего общения вообще не доставало женщин – чем старше я становился, тем отчетливее ощущал страх одиночества. Подсознательно я ждал, что, гуляя вот так по старым улицам этого приморского города, я встречу женщину – фантазия, порожденная прочитанными мной романами. Я был так молод тогда, что попросту не мог этого осознать.

Кроме того, я всегда страшно завидовал своему другу. Митарай словно существовал вне рамок обыденности – ни отсутствие женщины, ни однообразная повседневность не волновали его; не было даже видимости того, что он тосковал по любви.

Я мог дни напролет проводить в кресле, читая журналы или рисуя карикатуры, в то время как он спорил сам с собой о том, меняется ли вес волчка, если вращать его по часовой стрелке, а не против^[1]. Или же посреди рассказа о пяденицах^[2], ползущих наперегонки по поверхности листа, он мог вдруг громко запеть непонятную песню на иностранном языке и удалиться к себе в комнату.

Видя друга в таком состоянии, я стал еще глубже впадать в депрессию и все чаще слонялся по городу, не желая возвращаться домой.

Однажды вечером, когда мой друг был занят уборкой, а я в одиночестве слушал музыку, зазвонил телефон.

Звонки крайне редко предназначались мне, поэтому я сперва окликнул Митарай, чтобы тот поднял трубку, но он, похоже, не

услышал, полностью поглощенный мытьем посуды после ужина. Я был вынужден подняться и ответить.

– Алло, это дом господина Исиока? – вежливо спросил тихий женский голос.

Меня обычно не называли по фамилии «Исиока». К осени 1984 года я написал только две книги о работе Митараи, но даже его имя было куда известнее моего. Честно говоря, и теперь по фамилии меня мало кто зовет, разве что мои редакторы да собеседники помладше.

Кроме того, я никак не ожидал телефонного звонка. Что-то в этом женском голосе показалось мне странным, и я взволнованно задрожал.

– Верно, – ответил я неуверенно.

– Вы – Кадзуми Исиока? – спросила женщина.

– Это я.

Стоило мне ответить, как голос продолжил:

– Я – ваша преданная поклонница. Хотела бы узнать, можем ли мы как-нибудь встретиться за чашкой чая...

Ее слова меня ошастливили.

– Что ж, премного благодарен. У меня сейчас довольно много работы с книгами – заказы на иллюстрации, которые нужно закончить на этой неделе, – но, возможно, на следующей неделе мы могли бы...

В 1984 году я еще занимался иллюстрацией.

– А мы не могли бы увидеться раньше? Мне неловко вас торопить...

– Что ж, тогда в воскресенье...

– А пораньше?

– ...в субботу...

– ...раньше?

– ...в пятницу?

– Как насчет завтра? Мне очень неловко просить, но я как раз свободна завтра...

- Нет, не стоит... Завтра? Ну хорошо.
- Простите, пожалуйста! А в котором часу?
- Когда вам будет удобно?

Я был крайне взволнован предстоящей встречей с незнакомой женщиной.

- Я встречу с вами в любое время.

Ее голос звучал спокойно, но настойчиво.

- А где вы живете?

- В Исэдзаки-тё.

- Исэдзаки-тё? Это же совсем рядом!

– Да, поэтому я читаю все ваши книги. И иллюстрации тоже люблю...

– Благодарю. Тогда как насчет пяти часов вечера? Я прогуляюсь до Исэдзаки-тё.

- Простите, но можно в три часа?

- В три? Что ж... Наверное, да, могу. Куда мне подойти в три часа?

- Господин Исиока, вы женаты?

- Женат? Нет.

- А дети?

- Нет.

Затем мы поговорили о зодиаке и прогнозах. Митараи немного обучил меня разным способам толкования гороскопов, поэтому по опыту я знал, что женщина, вероятно, будет рада поговорить о любом гадании.

Она оказалась Скорпионом, и, сперва запутавшись в годе рождения, призналась, что родилась в конце 1951 года. Я повесил трубку в приподнятом настроении. Отправился на кухню, чтобы заварить чай, как будто желая налить и ей чашку. Впервые с самого моего рождения мне позвонила поклонница моих книг, моя поклонница!

– Кто звонил? – спросил меня вытиравший посуду Митараи, когда я уже собирался ставить чайник на огонь.

– Читательница. Призналась, что она – моя поклонница и хотела бы встретиться, – ответил я, будто пропев себе под нос.

Митарай вытер руки и переспросил:

– Хотела бы встретиться?

Полчаса спустя он, совсем как англичанин, держа блюдце в левой руке и поднося чашку к губам правой, уточнил:

– Значит, завтра?

Я подтвердил и пересказал ему недавний телефонный разговор.

Митарай поставил чайную чашку на стол и облокотился на спинку кресла. Он холодно смотрел на меня, нахмурившись и приподняв правую бровь. Его губы исказились в усмешке, правый уголок рта пополз вверх.

Такое выражение лица я видел только у Митарай – всякий раз, когда он искренне считал собеседника идиотом.

– Опыт – лучший учитель^[3]. Поэтому, Исиока-кун, сейчас я, пожалуй, промолчу.

Произнеся лишь это, он принялся обсуждать со мной недостатки системы здравоохранения – тему, волновавшую нас обоих. Хотя, признаюсь, я его не особенно слушал.

* * *

На следующий день я отправился к назначенному времени в кофейню в Исэдзаки-тё, на встречу с позвонившей мне женщиной. Обнаружив, что она еще не пришла, решил подождать ее, достав принесенный с собой журнал. Был ветреный и холодный вторник. Сквозь окно кафе я мог наблюдать за людьми, идущими по каменному тротуару у торгового центра Исэдзаки: их теплая одежда с длинными рукавами была наглухо застегнута, но они, похоже, все равно мерзли.

После двадцати минут ожидания я решил несколько раз обойти небольшой торговый центр. Женщина упомянула, что видела мое

лицо на обложке книги и сможет узнать меня, придя на встречу.

– Простите, Исиока-сэнсэй^[4]? – спустя полчаса ожидания раздался надо мной женский голос, и я поднял глаза от журнала. Передо мной стояла симпатичная пухленькая молодая женщина.

Я поспешно поднялся, а она коротко поклонилась мне и села напротив.

– Сэнсэй, вы выглядите намного моложе, чем на фотографии!

У нее была светлая кожа и большие выразительные глаза, розовая помада и ямочки на щеках, появлявшиеся, стоило ей улыбнуться.

– О, правда? – переспросил я.

Она достала из сумочки экземпляр «Дома кривых стен»^[5], вышедшего совсем недавно, положила на стол и попросила его подписать. Я торопливо расписался своей любимой ручкой.

– Так жаль, что я не знала о другой вашей книге, той, что про зодиак, – смеясь, протараторила она.

Я был удивлен. «Токийский зодиак»^[6] был куда известнее «Дома кривых стен» – многие читатели приняли его лучше, а о следующей книге даже не слышали. Впервые все было наоборот. Может, она и не поклонница вовсе?

– А сколько денег получает Исиока-сэнсэй после издания книги? – вдруг спросила женщина.

– Десять процентов от выручки с продаж, – ответил я.

– Всего десять процентов? – удивленно спросила она, округлив глаза.

– Да, десять.

– А гонорар за рукопись?

– Книга издана недавно, поэтому я пока не получаю за нее денег.

– Вот как... – Она, кажется, была разочарована.

– Гонорар за рукопись перечисляет журнал, если, например, перед выходом книги печатает у себя отрывок, совсем как статью. Это гонорар от журнала.

– Вот как... – Ее тон не изменился.

– Верно.

– Сколько же вам может заплатить журнал?

– А?

– Сколько платят автору за одну страницу?

Я не смог удержаться от смеха.

– Хотите стать писателем?

– Нет, просто хочу вас расспросить.

– Ну, в моем случае это около трех тысяч йен.

– Три тысячи йен... значит, если напишете сто страниц, то это триста тысяч йен...

– Да.

– Вы же сможете написать сто страниц в месяц, верно?

– Ну, смогу, наверное.

– Хм... – Она задумалась.

– Простите, но я не знаю ваше имя...

– О, правда? Извините. Меня зовут Марико Мори.

– Мори-сан, а вы пишете?

– Пишу? Ну, разве что эссе...

– А романы?

– Романы – это слишком. Я знаю, у меня нет таланта.

– Неужели?

Мы говорили еще какое-то время. Похоже, Марико ничего не знала о моих работах в еженедельных журналах или последних иллюстрациях. Все сводилось к тому, что она прочла «Дом кривых стен» и обратила внимание на то, что я жил недалеко от ее дома, вот и всё. А ведь сперва мне показалось, что она мечтает стать писателем и пришла расспросить меня о реалиях литературного бизнеса...

– Вы работаете?

– Да, в универмаге «Сэкигути» здесь, в Йокогаме.

– В универмаге?

– Да, в отделе женской одежды. Сегодня у меня выходной.

– Должно быть, там хорошо и весело?

– Сэнсэй, вы меня так испугали! Когда я опоздала, вы разозлились и сделали такое страшное лицо...

– Что? Нет, не может быть! Простите, если вам так показалось.

– Я – единственный ребенок, сейчас живу с пожилыми родителями, они тоже зависят от моего дохода...

– Хм...

Я подумал, что она слишком быстро меняет тему разговора.

– Господин Исиока, вы сейчас встречаетесь с кем-нибудь?

– Встречаюсь? Вы имеете в виду с женщиной?

– Да.

– Нет.

– А что насчет бывшей любовницы или жены?

– Нет таких.

– Ясно.

– А вы замужем?

– Нет.

Затем мы перешли к зодиаку. Я не смог ответить подробно, что в этом году ждет Скорпиона, родившегося в 1951 году, но, вспомнив, как и что в таких случаях обычно говорил Митараи, пробормотал что-то уместное.

Когда Марико спросила, какова ее совместимость со мной, рожденным 9 октября 1950 года, я понятия не имел, что ответить, но, не желая обидеть ее, заключил, что я – довольно хороший партнер. Тогда она вдруг спросила, подходит ли ей сентябрьский мужчина 1946 года рождения.

Вопрос звучал как заранее заготовленный, и я решил, что речь, должно быть, идет о ее нынешнем мужчине.

– Мы уже расстались, – ответила она. – Встречались какое-то время, но ничего не получилось.

– Не сошлись характерами?

– Это плохо?

– Ну, я бы не сказал...

Решив, что дальше расспрашивать неприлично, я сменил тему. Еще немного поболтав ни о чем, мы решили переместиться в заведение, где подавали пиво и легкие закуски.

Заняв один из круглых столиков, стоявших в просторном помещении бара, мы заказали по стакану пива. Стоило им наполовину опустеть, как язык у Марико окончательно развязался, и она поделилась подробностями.

Мужчину 1946 года рождения, с которым она встречалась, звали Фудзинами Таку; он жил в многоквартирном доме, что был построен на месте американской школы в районе Тобэ-ку. Решив купить себе небольшую машину, она отправилась в сервисный центр первого попавшегося производителя, находившийся неподалеку от места ее работы. Менеджером, имевшим с ней дело, оказался Фудзинами – так они и познакомились.

Марико не сказала об этом прямо, но парень, кажется, был высокий и довольно красивый. Он был хорошо образован, добр, никогда не лгал ей и многому успел научить. Я спросил, как долго они были вместе, и Марико сказала, что скоро будет семь лет.

– Вы не задумывались о свадьбе?

– Нет; я сразу поняла, что мы не подходим друг другу.

– Почему?

– Он из тех мужчин, что не подпускают к себе близко. Это же обычное дело для умных людей, верно?

– Хм... – Я невольно кивнул.

– Он холоден, эгоистичен, ай-кью у него сто пятьдесят два. Он отличный спортсмен, но добрый и честный...

Я снова кивнул. Судя по ее словам, Фудзинами казался просто идеальным мужчиной.

Однако стоило заказать вторую кружку, как тон ее изменился.

– Я думала, что он приезжает из Синагава^[7]. Он всегда так говорил! Но как-то я увидела адрес в его записной книжке – Ниситобэ-тё, Ниси-ку, Йокогама. Я была очень удивлена, а он заявил, что всегда говорил о Йокогаме.

– Ооо...

– Он еще говорил, что живет с другом в большом особняке, доставшемся от отца. Будь это действительно так, ничего бы не случилось, приходи я к нему в гости, верно?

Марико опьянела – ее щеки покраснелись, а речь стала путаной.

– А потом он заявил, что живший с ним друг открыл в доме школу английского языка для детей, так что теперь прийти я уж точно не могу. Странно, не правда ли?

Я неопределенно кивнул. Она была совершенно пьяна, глаза ее воинственно сверкали.

– Как-то однажды я все-таки решила сходить в этот дом. Я не собиралась входить, просто хотела посмотреть на дом снаружи. И вот, когда он был на работе... Вы же знаете холм Кураями в районе Ниси-ку?

Я не знал, поэтому отрицательно покачал головой.

– Правда? Один из склонов холма почти как скала; на нем растет огромное дерево, крона которого нависает над дорогой – из-за этого там темно даже днем. Говорят, в эпоху Эдо там была тюрьма.

Возможно, на склоне холма под большим деревом когда-то и находилась тюрьма, но еще каких-то десять лет назад в этом месте стояла школа для детей иностранцев. Даже сейчас там оставались деревянные постройки тех времен, но рядом построили жилой дом, похожую на дом с привидениями баню, которая сейчас была закрыта, и автостоянку.

– Рассмотрев имена на почтовых ящиках, я нашла «Фудзинами», поднялась на лифте до его квартиры и нажала на кнопку домофона.

– Что, он разве жил не в большом особняке? – удивился я.

– Да, он заявил, что раньше на том месте был особняк, а теперь многоквартирный дом.

– До того, как там открыли школу?

– Верно, а до этого там был стекольный завод.

Я смутился. К тому моменту я окончательно запутался во времени.

– В общем, я была в шоке, услышав по домофону женский голос. Решив, что это точно его жена, я попросила впустить меня, чтобы немного поговорить.

– О, да вы отважная...

– Да, в чрезвычайных случаях готова на все. Мы поговорили, а когда он вернулся домой, то признался, что уходил рыбачить.

– Что? Он не был на работе?

– Тогда я узнала, что он давно уволился.

Похоже, этот Фудзинами оказался человеком, который не говорил ни слова правды.

– Он удивился, застав меня, и спросил, что произошло.

– Ох... И что случилось потом?

– Мы сели и поговорили втроем, а потом я ушла.

– Как он себя повел?

– Сказал, что давно хочет расстаться с женой, у которой не всё в порядке с головой. Спровадил меня, заявив, что она не дает развода, а он не знает, что и придумать. Но они непременно разведутся.

– Хм... С тех пор прошло три года?

– Ага.

– И что, есть изменения?

– Мы виделись позавчера, он принес документы о разводе.

– О!

– Он очень похож на вас, Исиока-сэнсэй! Действительно хороший человек, добрый, – заключила Марико.

* * *

Когда вечером я вернулся домой и рассказал обо всем Митарай, он, расслабленно облокотившись на спинку дивана, одарил меня своей уникальной презрительной усмешкой. Я не встречал другого человека во всей Японии, способного соорудить такое выражение лица. Когда мой друг смотрел на меня вот так сверху вниз сквозь

полуприкрытые веки, скривив уголки губ, казалось, он видит меня насквозь – хотелось скорее закрыться и спрятать лицо в ладонях.

– Итак, что ты о ней думаешь? – спросил Митараи насмешливо.

– Ну...

Я не спешил с ответом, стараясь быть осторожным. Любая небрежно сказанная фраза могла стать добычей для Митараи.

– Ты же не совсем дурак, чтобы попасться в ловушку, расставленную женщиной, по телефону представившейся твоей фанаткой, чтобы вытащить тебя в бар и охмурить, верно? – Митараи вытаращил глаза. – Исиока-кун, это серьезно. Я обязан тебя расспросить. Так что?

– Я думаю, что она на самом деле хочет стать писателем, поэтому хотела встретиться с кем-то вроде меня, у кого есть опыт публикаций, и расспросить о реалиях писательского мира – гонорарах и прочих литературных заработках.

– О, понятно... Значит, поэтому она не спросила тебя о том, какую бумагу и письменные принадлежности лучше выбрать или как работать с издательством, а при первом же телефонном разговоре уточнила, не женат ли ты или, может, разведен, так?

– Что?

– Неужели так важно быть неженатым, чтобы стать писателем?

– Митараи-кун, что ты пытаешься сказать?

– Что ж, она, должно быть, сообразительная... Выведала у тебя все, что хотела.

Как всегда, я так и не понял, что именно он имел в виду.

– Если она так хотела стать писателем, то зачем рассказала тебе о том мужчине, который все время ей лгал?

– Нет, Фудзинами Таку все же оказался хорошим человеком. Его ай-кью, кажется, равен ста пятидесяти двум – и я сразу же вспомнил тебя... Но, думаю, она правильно сделала, решив расстаться с ним.

В ответ Митараи вздохнул.

– Она же позавчера встречалась с ним снова?

– И?..

– Выходит, они не расстались. Эта женщина сейчас в очень опасном положении.

Митараи сидел, опираясь на спинку дивана, словно сильно утомился.

– Ты получил приглашение на второе свидание?

– Нет, это же была наша первая встреча. К тому же женщина не может вот так пригласить мужчину на свидание. Она скромная женщина, живет с родителями...

На лице Митараи промелькнуло странное выражение. Он резко зажмурился, взъерошил пальцами свои кудрявые волосы и, зевнув, поднялся.

– Что ж, приму ванну и лягу спать. Доброй ночи.

– Эй, Митараи, подожди. Что ты думаешь? Объясни, пожалуйста! – Я подскочил к нему.

Митараи быстро вошел в ванную, заткнул слив пробкой и повернул кран с горячей водой. В процессе он продолжил говорить, обернувшись назад и глядя на меня.

– Очень скромная женщина сама неожиданно звонит по телефону и спрашивает, женат ли ты; затем приглашает выпить; едва познакомившись и не дожидаясь второй встречи, уточняет, нет ли у тебя детей или любовниц. Опоздав на встречу на полчаса, сперва заявляет, что ты скорчил страшное лицо, а потом сразу выпытывает гонорар за рукопись... Какая скромная барышня, не так ли?

Я лишился дара речи. Казалось, он все обернул худшим для меня образом.

Митараи вышел из ванной и вернулся на диван.

– Сегодня, в первый же день, она получила от тебя довольно много информации – у мужчины, например, на это ушло бы не меньше недели. Она действительно способная. Не теряй времени, спроси у нее напрямую, чего она хочет.

Я помолчал и спустя мгновение обессиленно пробормотал:

– Так значит, она...

– Однозначно ясно то, что она не собирается становиться писателем.

– Но почему...

– Это так банально, даже объяснять не хочу! – Сказав это, Митарай уставился в потолок, словно ему все надоело. Однако затем подался вперед и продолжил: – Для меня это очевидный пустяк. Но для нее это очень важно, и, может быть, для тебя тоже. В общем, как я уже сказал, ей сейчас нелегко. Она стоит на краю обрыва и вот-вот потеряет себя. К сожалению, в нашем мире женщины часто становятся жертвами общественных устоев. Вспомни дату ее рождения. Скорпиону, родившемуся в пятьдесят первом году, в этом году исполнится тридцать три года. Женщина, должно быть, потеряла рассудок из-за необходимости наконец связать себя узами брака – такое давление общества! Будучи в отчаянии, она вряд ли осознаёт, что делает. Очевидно, то, что она просто встречалась с Фудзинами в течение семи лет, оставалась с ним, не задумываясь о браке, – наглая ложь. Но все в итоге сложилось именно так, как тебе сказали. Поэтому она и решила подыскать себе другого мужчину. Неважно, хочет ли она действительно выйти за него замуж или просто оказать давление на Фудзинами – другой мужчина ей просто необходим! Видимо, в ее окружении не нашлось высокого и красивого мужчины с ай-кью, равным ста пятидесяти двум, способного превзойти ее бывшего любовника. Да и будь такой рядом с ней, он все равно не смог бы конкурировать с Фудзинами! Кроме того, пусть тот и обещал бросить жену и свой уютный дом, он никогда этого не сделает – и она прекрасно об этом знает. Поэтому так страдает. Да она сна и отдыха лишилась от этих переживаний. Как ей быть? Вот и позвонила тебе!

– Почему?

– Как человек, написавший книгу и более или менее известный, для нее ты, должно быть, особенный. Возможно, способный превзойти Фудзинами.

– Превзойти?..

– Начав встречаться с тобой, она, вероятно, будет увлечена и даже сможет отвлечься от постоянных мыслей о Фудзинами.

– Как...

– Здесь нужен взгляд со стороны! Ей важен твой доход. К тому же у тебя сейчас нет любовницы и ей не придется конкурировать с другой женщиной; нет бывшей жены или ребенка, которым ты должен регулярно выплачивать алименты. Поэтому это было первое, о чем она расспросила.

– Но как же так... – Я почувствовал себя скверно. – Она же сказала, что она – моя поклонница...

– Возможно, это не совсем ложь. Она, быть может, действительно недавно прочла книгу, в предисловии к которой случайно наткнулась на имя мужчины, нарисовавшего иллюстрации. И книга, наверное, ей не обязательно понравилась.

– Но все же... зачем так прямолинейно... такие дела требуют времени... так глупо, зачем настолько...

– Ну же, Исиока-кун; если собаку не кормить неделю, она будет готова сожрать пустую коробку из-под собачьего корма!

– Так значит, я – пустая коробка?! – Я совсем загрузил.

– Успокойся, Исиока-кун. Это не ты плохой. Просто она под таким давлением, что не понимает, что делает. Совершенно потеряла рассудок.

– Но в этом же нет ничего ужасного! Просто внезапно спросить о моей личной жизни...

– Исиока-кун, это обыкновенное сватовство. Просто она сама провернула то, что для нее сделали бы посредники.

– Ох... – вздохнул я.

– Ты еще молод, Исиока-кун. Не знаком с суровым миром женщин, способных коня на скаку остановить^[8]. Победа или поражение, всё или ничего! Проще говоря, завидное счастье не приходит к людям само, его надо вырвать собственными руками! Поэтому стоит женщине почуять одинокую старость, как простого

сочувствия ей станет мало. Женщины инстинктивно чувствуют, когда можно поступиться моралью.

Я поник и опустил голову. Кажется, я окончательно разочаровался в женщинах.

– Тогда, выходит, я...

– Ты – это ты. В этом не сомневайся.

– Нет, для Марико Мори я...

– Да, это так. – Митарай довольно улыбнулся. – Могу сказать тебе вот что: если б ты правда прошел ее «прослушивание», тебя сразу пригласили бы на второе свидание... Ой, вода переливается!

Митарай прытко подскочил с места, словно гимнаст, и продолжил говорить на пути в ванную:

– У их племени прямо в ДНК закодирована особая генетическая информация. Они даже чертей не боятся. Будь ты хоть президентом демократического государства или какой знаменитостью, стоит тебе встретиться с кем-то из их числа, как сам факт твоего счастливого существования начинает зависеть от того, сможешь ли ты опуститься до общего уровня. Не хочу тебя наставлять, но, как по мне, куда безопаснее ни с кем не встречаться.

Затем мой друг приоткрыл дверь в ванную и, по-прежнему держась за дверную ручку, продолжил с жалостью:

– Я же говорил, Исиока-кун, опыт – лучший учитель!

На этих словах он исчез в ванной, уже успевшей заполниться паром.

Все случилось именно так, как предрекал Митарай. После нашей встречи от Марико Мори не было никаких вестей, и следующие десять дней я провел в скверном настроении.

Итак, история дерева-людоеда с Темного холма Кураями началась для меня самым пренеприятным образом.

Допускаю, сперва может показаться, что я пишу о произошедшем с некоторой насмешкой – ведь начало истории действительно весьма похоже на комедию. Однако сложно представить себе нечто

более кошмарное и пугающее, чем случившееся осенью 1984 года. И читатель со мной непременно согласится, стоит ему прочесть о страшном инциденте на Темном холме в Йокогаме, потрясшем всю Японию.

Я не преувеличиваю, когда говорю, что никогда не хотел писать о случившемся. Я невзначай упомянул об инциденте в одном из своих эссе и, несмотря на многочисленные призывы читателей поскорее изложить свою точку зрения, мне как-то удавалось хранить молчание до настоящего времени. Во-первых, я сам отчаянно пытался забыть о случившемся. Во-вторых, я все же обещал одной из сторон публично не упоминать произошедшее до 1989 года.

Теперь, в 1990 году, когда запрет наконец снят, я берусь за ручку, чтобы изложить свой взгляд на случившееся, и начинаю дрожать от охватившего меня страха. Это было слишком жестоко и странно, но, более всего, очень загадочно – я никогда не слышал ни об одном подобном случае. Признаюсь, сейчас даже «дело о Токийском зодиаке» кажется мне куда более простым и понятным.

Представляя миру свой взгляд на произошедшее, я боюсь, что мне, возможно, тоже не удастся избежать общественного осуждения. Не подумайте, что я намеренно нагоняю страх, это далеко не так.

По правде говоря, полицейский департамент региона Тохоку и полиция префектуры Канагава также до последнего держали случившееся в секрете от общественности и средств массовой информации. Однако шумиха все равно поднялась, несмотря на все их усилия.

Пусть она давно утихла, но истина так и осталась скрыта от нас. Все это время, пока я хранил молчание, разгадка оставалась в тени.

В последнее время Япония добилась невероятного экономического роста и развития, став одним из передовых государств мира, хотя когда-то, еще совсем недавно, она была бедной второсортной страной, проигравшей в разрушительной войне. Тогда-то и произошло это ужасное событие, бывшее

порождением той темной послевоенной эпохи. Невозможно понять случившееся, не учитывая то особенное время.

Делая инцидент достоянием гласности спустя годы, я все же попытаюсь минимизировать ущерб, который может быть нанесен непосредственным участникам произошедшего. По этой причине в будущем я буду излагать факты, учитывая их интересы, воздерживаясь от ненужных оценок. Прошу читателя проявить понимание и быть ко мне снисходительнее.

III. 1941 год. Темный холм Кураями

Перед магазином игрушек у холма Кураями выстроилась группа солдат в военной форме. Один из крутившихся вокруг мальчишек, что минуту назад играли в войнушку на обочине дороги, желая подольститься, затянул военную песенку: «За сотни верст отсюда, в Маньчжурии далекой...»^[9].

Казалось, Япония давно наполнилась сухим безжизненным воздухом. Радио не передавало веселых песен, комедий ракуго^[10] и несерьезных передач – эфир был заполнен строгими речами военных командующих, рассказами о смертельном оружии и отчетами о позициях японской армии на материковом Китае.

То же самое касалось и книг с журналами. Юмористические книги и увлекательные детективы исчезли с полок книжных магазинов, вытесненные серьезными учебниками и патриотическими романами – вроде той истории о юноше, изобретающем чудесное орудие, позволившее разгромить врага.

Все детские забавы теперь были посвящены игре в солдат и войну. Над ребенком с бейсбольной битой и мячом все смеялись, но стоило ему продеть под ремнем на штанах короткую палку или прихватить с собой водный пистолет, с которым он раньше играл только летом, как его охотно принимали в ряды детской армии. А уж если он выносил из дома пустую коробку и, проделав в ее дне дырку, залезал внутрь, то ему сразу жаловали звание танкиста.

Однако девочкам не всегда были по нраву мальчишеские игры. Дзюнко-тян^[11] напрасно просила Тэруо-тяна, увлеченно игравшего в танки с друзьями, хоть немного поиграть с ней, например в классики или в старые добрые прятки. На холме Кураями, где росло много больших деревьев, не было недостатка в местах для прятков. Дзюнко-тян – воспитанная девочка с милым личиком, всегда была в центре внимания, поэтому очень любила играть со старшим братом и его

друзьями. Но теперь, после начала войны Японии с Китаем на континенте, мальчики играли только в страшные игры про убийства и не звали Дзюнко в свою компанию. Однажды брат даже накричал на нее:

– Отстань, глупая девчонка! Иди отсюда!

Тогда обиженная Дзюнко-тян в одиночку поднялась на холм и побрела к стекольному заводу.

В ту ночь она не пришла домой к ужину. Мать плакала, а отец, сообщив в полицию, всю ночь рыскал вокруг дома в поисках. Поднялась большая шумиха. Тэруо тоже беспокоился о своей единственной сестре. Он изо всех сил старался помочь отцу с поисками, но те не увенчались успехом. Когда мальчика наконец отправили спать, он действительно пытался, но никак не мог уснуть. Он представил, что сестренку могли похитить или, как боялись мама и папа, ее где-то сбила машина. Его глаза наполнились слезами, окончательно прогнавшими сон. Он горько сожалел о том, что в очередной раз отказал сестре, когда она попросила его поиграть с ней.

Прошла ночь. Наутро Тэруо, проснувшись на футоне^[12], вскочил и скорее побежал на кухню.

Он правда хотел, чтобы прошлая ночь оказалась страшным сном, а кухня с утра была наполнена веселым смехом мамы и Дзюнко-тян, но кухня оказалась пуста. Тэруо застал маму в той же одежде, что и вчера; ее волосы растрепались. Отца не было видно – должно быть, он до сих пор пытался разыскать Дзюнко в окрестностях, – но вместо него на кухне стоял мужчина в полицейской форме. Тэруо никогда и представить такого не мог – невероятно, но его сестренка Дзюнко так и не вернулась.

Во время школьных уроков и даже на перемене Тэруо не переставал думать о сестре, не в состоянии был сосредоточиться на учебе. Он даже осторожно заглянул в класс сестры, решив, что та, возможно, с утра сразу пошла в школу без ведома родителей, но ее парта была пуста.

Остановившись под дзельквой^[13] на школьном дворе, Тэруо вдруг вспомнил о большом камфорном лавре^[14], растущем рядом со стекольным заводом на холме Кураями. Его тут же сковал страх.

О том дереве ходила страшная легенда. Говорили, что под ним обезглавили множество преступников. Стоя рядом с этим огромным лавром, своим толстым жутким стволом походившим на монстра, можно было легко поверить, что он сотни лет рос, питаясь кровью убитых под ним людей.

Согласно легенде, гигантское дерево впитало в себя все людские обиды и ненависть. Стоило взобраться по нему, словно по скале, и прислушаться, приложив ухо к отверстию в стволе, можно было услышать голоса преступников, стонущих, неспособных выбраться из кипящих кровавых котлов ада. А если прислушаться еще внимательнее, то можно было различить не только голоса взрослых мужчин, но и плач ребенка, причитания женщины и проклятия старухи, вперемешку с криками невиданных животных.

Многие утверждали, что им доводилось лично слышать эти голоса. Друзья Тэруо, кажется, тоже их слышали. Как-то раз летом, с наступлением сумерек, они предложили ему самому подняться на дерево и приложить ухо к стволу. Однако, как его ни дразнили, Тэруо ни в какую не соглашался карабкаться вверх. Он не мог пошевелиться от страха. В этом не было ничего постыдного: даже те его друзья, что хвастали, рассказывая, как прикладывали ухо к дереву, на самом деле боялись и ничего подобного никогда не делали. Они когда-то слышали страшные рассказы местных старожилков о дереве на холме и решали соврать, чтобы прослыть храбрецами.

Об этом дереве ходило много страшных историй. Как-то рассказывали, что однажды ночью, проходя по дороге под деревом, люди заметили в его ветвях самурая с мечом на поясе. Его лицо тускло светилось в темноте, словно покрытое флуоресцентной краской.

Также поговаривали, что один человек сделал снимок на фоне дерева, а проявив пленку, обнаружил, что в тени кроны, на концах искривленных веток и на толстом стволе можно разглядеть отрезанные человеческие головы. Их рты были приоткрыты, а веки сомкнуты, совсем как у спящих.

Оказалось, что в период Эдо головы казненных под деревом людей часто выставлялись на всеобщее обозрение прямо рядом с платформой, где преступников перед этим публично обезглавливали. Поэтому дерево наполнилось обидами множества людей, встретивших под ним свой конец. К злости убитого преступника присоединялись скорбные голоса его родных, плач его детей, родителей, братьев и сестер. Приложив ухо к отверстию в стволе, можно было до сих пор услышать проклятия страдавших людей.

Вот о чем вспомнил Тэруо, стоя под дзельквой на школьном дворе. По его спине пробежали мурашки.

Он пока не понимал, почему вдруг вспомнил о камфорном лавре у стекольного завода, но не мог отделаться от мысли, что исчезновение его сестры как-то связано с тем жутким деревом.

* * *

Обычно черный грузовик владельца овощной лавки приезжал к холму Кураями через день, чтобы торговать для местных жителей. Дядюшка-зеленщик останавливал грузовик, в большом кузове которого были навалены разнообразные свежие овощи, прямо посреди склона, и, соскочив с водительского сиденья, сперва подпирал передние колеса двумя треугольными стопорами. Даже если б ручной тормоз не удержал тяжелую машину, та не скатилась бы с холма.

Затем зеленщик вынимал из кузова деревянный поддон, весы и корзины и торговал овощами прямо рядом с грузовиком. Обычно он

оставался до тех пор, пока не продаст все, поэтому иногда даже поздним вечером его можно было застать на привычном месте. Как правило, после захода солнца он возвращался домой.

Местные женщины знали, что зеленщик приезжает по понедельникам, средам и субботам, и с самого утра с нетерпением ждали его грузовик у склона холма, чтобы купить свежие овощи.

В тот день было облачно, и от легкого дуновения ветерка листья дерева издавали тихий жужжащий шелест. Это было время, когда Япония постепенно заполнялась отравленным воздухом военного насилия и самоуправства, и никто – ни политики, ни народ – не мог этого остановить. Даже в центре Токио солдаты отказывались подчиняться указаниям местной полиции или соблюдать правила поведения на улицах – об их безнаказанности трубили все газеты.

По всей Японии уже никто не пытался вразумить или контролировать военнослужащих – слишком силен был страх перед их авторитетом. Даже повзрослев, японцы навсегда остаются маленькими детьми, которых когда-то задирали хулиганы, – такова их национальная черта. Теперь это был мир военных. Ходили слухи, что армия дальше будет воевать не только с Китаем, но и с Британией и США.

Внешняя политика никогда должным образом не разъясняется общественности: военные сперва действуют, а затем уже ждут одобрения народа, на их взгляд, слишком глупого, чтобы понять деяния великих людей. Но это никогда не сдерживало людскую молву, поэтому и теперь женщины ждали зеленщика и делились друг с другом своими страхами. Америка – очень большая страна, а Япония, какой бы сильной ни была ее армия, – слишком маленькая. У нее не хватит денег, нет природных ресурсов. Даже женщина способна прикинуть, стоит ли затевать войну с Америкой, когда не можешь достойно ответить. Но если сказать об этом открыто, за тобой придет полиция, поэтому остается лишь вполголоса обсуждать свои опасения с соседками.

Даже качество овощей в последнее время ухудшилось. Повсюду заканчивались еда и предметы первой необходимости. Говорили, что в экономике начался спад, а в Исэдзаки-тё и Коганэ-тё стало много бродяг и попрошаек, и даже появились дети, погибающие от голода. В Токио стекались страждущие. Ситуация была настолько печальной, что, казалось, вот-вот разгорится гражданская война. Даже после отъезда зеленщика, пока еще было светло, женщины продолжали стоять на склоне и переговариваться. С наступлением сумерек налетел беспокойный ветер, вторивший суматохе в их сердцах.

Чем ниже опускалось солнце, тем сильнее становились порывы холодного осеннего ветра. Долго простояв на одном месте, женщины начинали мерзнуть. Одна из задержавшихся на холме соседок решила вернуться в город, чтобы успеть купить масла и приготовить ужин. Прощаясь друг с другом, женщины поспешно кланялись.

В этот момент, стоило одной из них склониться в поклоне, как что-то упало сверху и задело ее по волосам.

Женщина удивилась и, присев, подняла предмет, упавший на землю. Это была лента. Небольшая красная лента из фланелевой ткани.

Женщина рассмеялась:

– Смотри-ка, ленточка!

Она не могла понять, как эта лента упала ей на голову.

Переложив ленточку в левую руку, она заметила, что на пальцах осталось странное липкое пятнышко красного цвета.

Рефлекторно задрав голову, женщина решила, что лента упала откуда-то сверху.

Соседки, последовав за ней взглядами, увидели ветви камфорного лавра, листья которого, словно волны в океане, поднимались и опадали от усилившегося ветра. Высоко в центре раскидистой кроны можно было заметить что-то темное. Было невозможно понять, что это, но, обнаружив странный большой предмет в столь неожиданном месте, женщины тут же замерли и испуганно отвели взгляды. Они

никогда раньше не видели этот предмет, теперь висящий на дереве высоко над их головами. Что же это могло быть?

Вокруг уже совсем стемнело, а листья дерева перекрывали обзор, но постепенно глаза женщин привыкли, и они смогли рассмотреть его.

Сперва они решили, что это кукла. Ленточка, без сомнения, могла принадлежать кукле, верно?

Странно. Слишком большая для куклы, да и цвет темно-красный. Кукла все же по форме напоминает человека, а этот предмет скорее походил на изорванный на куски футон, из которого то тут, то там свисали обрывки ткани...

– Ааа! – вдруг закричала одна из женщин.

Вторая прижала ладонь ко рту, тоже наконец поняв, что это. Третья так и стояла, озадаченно глядя вверх и не понимая, что перед ней, – возможно, из-за плохого зрения. Но вот и она напрягла глаза – крик так и застыл в ее горле. Все они наконец поняли, что висело на дереве.

Будто старое тряпье омерзительного цвета. Кое-где плоть была разорвана или лопнула, словно мякоть переспелого граната; потемневшая кровь покрывала мясо, свисавшее темно-красными лохмотьями.

Маленькие ручки были странно изогнуты и висели плетьюми. Но больше всего женщин, зашедшихся криком, напугала голова.

Потребовалось какое-то время, чтобы понять, что это голова – она совершенно утратила свою первоначальную форму. Возможно, из-за волос, насквозь пропитанных кровью и прилипших к лицу. Было невозможно понять, где находился затылок; не только из-за волос – шея была невообразимо вывернута.

Голова на тонком лоскуте плоти свисала так низко, что будто прилипла к груди – шея была практически оторвана от туловища и странным образом вытянулась. Нет – круглый объект, принятый ими за голову, свисал так низко, что почти касался живота.

IV. 1984 год. Мертвец на крыше

1

Теперь, благодаря проекту города будущего «Минато-Мираи»^[15], Йокогама приобретает черты современного интернационального мегаполиса, но еще в 1984 году она была простым провинциальным городком.

Медленнее всего менялся район вокруг холма Кураями, что располагается к юго-западу от станции Тобэ по линии Кэйхин^[16]. Название этому холму с довольно крутым склоном, идущим до Исэ-тё, было дано довольно давно, а потому было доподлинно неизвестно, почему этот холм прозвали Темным. Одновременно существовало несколько теорий на этот счет.

Самой очевидной причиной виделось то, что склон в буквальном смысле был темным. Сейчас по нему проходит унылая асфальтированная дорога, но в 1984 году на нем еще можно было найти следы эпохи Эдо: по правую сторону от вершины сохранилась потемневшая от времени старая стена из красного кирпича и росло большое лавровое дерево, возраст которого насчитывал сотни лет, а гигантские ветви и густая крона создавали тень даже в дневное время, ночью укрывая землю кромешной тьмой.

Сейчас повсюду используются ртутные фонари^[17], но в 1984 году их и в помине не было, и единственное, что освещало склон холма, – это огни соседних домов и лунный свет. Естественно, что во времена Эдо здесь стояла угольно-черная тьма, в которой невозможно было ничего различить дальше своего носа^[18].

Кроме того, ходили слухи, что в эпоху Эдо на склоне холма находилась тюрьма, повлиявшая на выбор странного названия. После казни отрубленные головы преступников выставлялись на всеобщее обозрение. Тюрьма, где грешников обрекали на вечные страдания во тьме, для местных жителей прослыла настоящими воротами ада.

В старые времена, остановившись на склоне в дневное время и прислушавшись, можно было различить рыдания и крики приговоренных к смерти преступников, заточенных в тюрьме на вершине холма. Люди всегда боялись этого места и старались не приближаться к нему. Даже если у них были дела поблизости, они все равно делали крюк, чтобы обойти этот склон. Легко поверить в то, что страхи местных жителей и стали причиной столь жуткого названия.

На склоне под раскидистыми ветвями гигантского дерева до 1984 года стояло овитое виноградной лозой старое здание в европейском стиле. Из-за соседства с лавром в доме почти всегда было темно.

Он был построен очень давно. Сначала это был дом директора стекольного завода, работавшего еще до войны. Годом основания завода значился 1932-й – значит, зданию было уже больше пятидесяти лет.

После войны здание завода выкупил богатый шотландец по имени Джеймс Пэйн и открыл здесь школу для детей иностранцев, которая просуществовала до 1970 года. Дом, увитый виноградом, стал жильем директора школы, а участок, занятый заводом и складскими помещениями, расчистили, чтобы возвести школу с видом на город, открывавшимся с вершины холма.

Однако в 1970 году школу по неизвестной причине закрыли, после ее сноса оставив только дом директора; рядом построили небольшой двухквартирный жилой дом и баню.

Говорили, что непосредственной причиной закрытия школы стал развод директора с его женой, японкой Фудзинами Ятиё, хотя в отказе от руководства школой не было особой необходимости.

К 1984 году баня уже три года как не работала: окошки опустевшего здания были разбиты, черепица осыпалась, а все вокруг поросло травой.

Два года назад на месте двухквартирного дома возвели пятиэтажный дом Фудзинами Хэйм^[19] с множеством квартир, а часть участка сдали в аренду под парковку. Стекольный завод, школа для

иностранцев, общественная баня, квартиры и их жильцы со временем сменяли друг друга, и единственное, что оставалось неизменным, – это наблюдавшие за головокружительными переменами овитый виноградной лозой дом и гигантский камфорный лавр.

21 сентября 1984 года на Йокогаму обрушился сильный тайфун. Первоначально ожидалось, что он двинется через Тихий океан на север, задев разве что Хоккайдо, но внезапно тайфун сменил курс у полуострова Миура^[20] и ударил по префектуре Канагава^[21]. Поэтому до утра 22 сентября в городе бушевал шторм. Дождь лил не переставая весь день и всю ночь.

К рассвету 22 сентября Темный холм Кураями весь промок, а по его склонам были разбросаны листья и поломанные ветки камфорного лавра.

В полвосьмого утра Рёитиро Токуяма, владелец магазина игрушек, построенного у подножия холма Кураями, открыл стеклянную дверь главного входа, сперва сняв деревянные ставни, защищавшие ее от бури. Пройдя внутрь и включив свет, он обнаружил, что сильный дождь всю ночь заливал магазин через небольшую щель под старой плохо закрепленной ставней. Дверной косяк был сделан из потемневшего от времени дерева, а не алюминия, поэтому не остановил воду, и весь пол теперь был абсолютно мокрый. По телевизору обещали сильные ливневые дожди – и, судя по луже на полу магазина, не обманули!

Защитить витрины с игрушками виниловыми пластинами все же было отличной идеей – на их поверхности скопилось довольно много водяных капель.

Токуяма убрал ставни в специальный короб тобукуро^[22], а стеклянную дверь оставил открытой. Сняв виниловые пластины, он аккуратно вынес их на улицу и слил воду. Бетонная дорожка у магазина была вся покрыта листьями лавра вперемешку с мокрыми газетами, обрывками бумажных и пластиковых пакетов, принесенных сюда бурей. Окрестности были наполнены влажным

мягким запахом растений – освежающим и успокаивающим, но немного странным и пугающим, свойственным только утру после сильной грозы.

Взяв из подсобки бамбуковую метлу, Токуяма принялся энергично сметать листья у входа в магазин. Потратив каких-то пятнадцать минут, он собрал все листья, принесенные бурей, в одну кучу у склона холма. Прислонив метлу к стене магазина, хорошенько потянулся и встал подбоченившись.

Токуяма всегда вставал рано; вероятно, эта привычка появилась с тех времен, когда он подрабатывал разносчиком газет в старшей школе.

Еще одной его привычкой было что-то вроде утренней гимнастики: делая круговые движения, он разминал руки и ноги, пока его взгляд блуждал по сторонам. И вдруг – вспомнил!

Он не мог сказать, почему вдруг вспомнил странный сон, который приснился ему прошлой ночью. Возможно, сон был таким необычным из-за звуков тайфуна, бушевавшего всю ночь. Дом Токуямы был довольно старым, окна и двери давно повело, и деревянная постройка сильно скрипела. В такие ночи из-за беспокойства Токуяма не мог крепко спать.

Во сне он видел дом семейства Фудзинами, что находился напротив, на вершине холма.

На крыше здания, выстроенного в европейском стиле, было кое-что необычное. Бронзовая фигура петуха, помещенная прямо на крышу, – как, например, флюгер, привычный для домов на Западе, или феникс с крыши павильона Кинкаку-дзи^[23].

Однако это не было простым украшением. На самом деле петух был сложным механизмом, достижением европейской технической мысли. Раз в день, ровно в полдень, он взмахивал крыльями и качал головой взад-вперед. В этот момент играла тихая причудливая мелодия, похожая на музыку из заводной музыкальной шкатулки.

Механического петуха можно было с легкостью назвать здешней достопримечательностью, пусть он и работал всего около десяти лет.

Музыка пропала и того быстрее.

Токуяма, который родился и вырос недалеко от холма Кураями, помнил, как в детстве пару раз видел хлопающего крыльями механического петуха.

В период учебы в начальной школе он не мог наблюдать за ним, ведь школа для японских детей располагалась в другой части города. А по воскресеньям уроков не было. Механический петух просыпался только в дни занятий, поэтому Токуяма мог видеть птицу, танцующую под странную мелодию, разве что когда пропускал школу по болезни или во время какого-нибудь праздника.

К моменту, когда Токуяма окончил среднюю школу, петух уже лишился музыкального сопровождения, а затем и вовсе перестал двигаться – вероятно, из-за поломки механизма. Поскольку не нашлось японца, готового его починить, петух замер навсегда. Токуяма унаследовал магазин родителей и продолжал вести торговлю по соседству с домом Фудзинами, поэтому, часто поглядывая в сторону холма, уже и забыл о его существовании.

Прошлой ночью ему приснилось, что покрытый ржавчиной и потемневший от времени механический петух взлетел в темное ночное небо, густо усыпанное звездами.

Действительно, странно. К чему вообще мог присниться подобный сон? Ему, как владельцу игрушек, были очень интересны различные механизмы, однако стоило ему проснуться, как память о сне улетучилась. Мужчина вспомнил о нем только сейчас, закончив уборку листьев.

Верхушку холма и дом Фудзинами можно было увидеть от дверей магазина, поэтому Токуяма потянулся, сделал несколько шагов вперед и посмотрел вверх. Из-за разбросанных на дороге веток можно было спокойно выйти на проезжую часть, не опасаясь проезжающих у подножия холма автомобилей.

Токуяма был поражен. Неужели это был не сон? Петух исчез! Петуха на крыше дома Фудзинами не оказалось!

Однако больше его удивило другое. Он особо не разглядывал дом в последнее время, поэтому украшение могли попросту убрать без его ведома. Он был удивлен тем, что на месте того петуха увидел совсем другой объект.

С первого взгляда было ясно, что это фигура человека. Тот сидел на треугольной крыше верхом, словно на лошади.

Заподозрив неладное, Токуяма прикрыл дверь магазина и направился вверх по склону холма. С возрастом у мужчины развилась старческая дальноркость, из-за которой он стал лучше видеть вдаль, но крыша дома Фудзинами все же была слишком далеко, и он решил подойти поближе.

Кому могло прийти в голову лезть на крышу в такую рань? Сперва он подумал, что человек на крыше пытается снять фигуру петуха или даже починить ее. Но тот, казалось, совсем не шевелился. Просто сидел. Словно вместо обездвиженного петуха на крыше установили человеческую фигуру.

Тело человека было зеленого цвета. Судя по всему, на нем был зеленый свитер, оттенок которого поразительно походил на цвет листьев камфорного лавра, растущего по соседству.

И поза была странная. Сложно представить, что человек первым делом прямо с утра полезет работать на крышу, да еще и в одиночку.

По мере того как Токуяма поднимался по склону холма, неприятное предчувствие усиливалось. Чем ближе он подходил к крыше, тем больше был уверен в том, что видит на ней настоящего человека. Это точно был мужчина, неподвижно сидевший на крыше верхом, словно игрушечный всадник.

Изредка по холму проносились порывы сильного ветра, напоминавшего о пронесшейся буре и шумящем ветками лавре на склоне. С каждым шагом сердце Токуямы билось все чаще, будто на пробежке. Тайфун, казалось, еще не миновал, тихо кружась высоко в небе.

Если подойти слишком близко к дому, то его каменная ограда перекроет обзор и скроет таинственную фигуру на крыше. Токуяма

взобрался на холм и обогнул дом со стороны аллеи, однако не смог разглядеть крышу из-за густых зарослей в саду. Он ходил кругами у дома Фудзинами, но так и не смог рассмотреть фигуру, поэтому вернулся обратно к дороге перед магазином.

Наверное, фигуру на крыше дома Фудзинами можно было хорошо рассмотреть с веранды или с крыши пятиэтажного дома по соседству, но тот едва ли был ближе, чем дорога, на которой сейчас стоял Токуяма. Поэтому он и вернулся на прежнее место у магазина.

Еще раз взглянув на крышу, мужчина обнаружил, что таинственный человек в зеленом так и остался сидеть на крыше в прежней позе, словно с уходом бури время для него остановилось. Однако теперь можно было разглядеть бледный цвет его лица и лишенный выразительности взгляд.

Токуяма какое-то время продолжил стоять у дороги, глядя на крышу, когда прогуливавшийся рядом пожилой мужчина решил проследить за его взглядом. Он тоже посмотрел на крышу – и тут же застыл в оцепенении.

Проходившие мимо люди останавливались один за другим, и вскоре вокруг Токуямы собралась толпа, не отрываясь смотрящая на крышу дома Фудзинами. Поднялась паника. Кто-то узнал в человеке в зеленой одежде члена семьи Фудзинами.

Заклучив, что человек за все это время странным образом ни разу не двинулся, собравшиеся решили немедленно направиться в дом Фудзинами и сообщить в полицию.

2

– Смотри, Исиока-кун! – крикнул мне Митараи, читавший газету за столом на веранде.

Его голос прозвучал необычайно серьезно, поэтому я решил, что произошло нечто, и вышел к нему. Это было утро 23 сентября 1984 года.

Заинтересовавшая его статья была совсем небольшой по объему. При невыясненных обстоятельствах на крыше частного дома в Ниситобэ-тё, Ниси-ку, был обнаружен труп мужчины. Тело найдено одетым и в странной позе – будто оседлало крышу. Я решил, что инцидент, должно быть, заинтересовал Митараи, но он позвал меня по другой причине.

– Прочти-ка имя погибшего! – и указал пальцем на часть газетной статьи. Я наклонился поближе и прочел вслух:

– «Безработный... господин Таку Фудзинами...»

Я не сразу понял. Прошло уже десять дней с тех пор, как я пару раз слышал это имя в разговоре.

– Таку Фудзинами... Ого!

Теперь я все вспомнил. Человек, по которому Мариико Мори, представившаяся моей поклонницей, тоскует вот уже семь лет... Умный, привлекательный, но бессовестный лжец... Он умер?!

Потрясенный, я вырвал газету из рук Митараи.

– «Господин Таку Фудзинами, безработный, проживающий в Ниситобэ-тё, Ниси-ку, был обнаружен мертвым на крыше дома своей матери, госпожи Ятиё Фудзинами, ранним утром 22-го числа...» Что с ним случилось?

– Сердечный приступ.

– Но как... не могу в это поверить. Это же парень Мори-сан... Она, должно быть, в шоке... – растерялся я. – Но с чего вдруг он полез на крышу и умер? Его обнаружили вчера утром?

– Предполагаемое время смерти – позавчера, десять часов вечера.

– Позавчера бушевал тайфун. В самый его разгар!

– Верно.

– Зачем он в такое время полез на крышу...

– Исиока-кун, внимательно прочти статью целиком. Там сказано, что господин Таку Фудзинами был одет в тонкий зеленый свитер и вельветовые брюки, при нем не было ни пальто, ни дождевика. Легко одетый, без зонта, он поднялся на крышу. Но только посмотри: к задней стене дома, рядом с дверным проемом, всегда была прислонена старая лестница. Однако 22 сентября в семь сорок утра ее следов там не обнаружили.

Митарай довольно потер ладони.

– Что это значит? – спросил я.

– Итак! – энергично начал мой друг. – Если у вас не хватает всех нужных ингредиентов, то вы вряд ли сможете начать готовить. Сейчас я могу сказать только, что это крайне необычное происшествие! Почему бы, Исиока-кун, нам не приготовиться к выходу? Нет нужды готовить завтрак, поедим где-нибудь в Исэдзаки-тё.

– Что, поедим на месте преступления? – Я вернулся в комнату за верхней одеждой.

– Нет, спасибо! Там сейчас полно полиции и прессы, так что следы преступления давно втоптаны в землю. Уже поздно. Поедем в Исэдзаки-тё!

– Зачем нам в Исэдзаки-тё?

– Эй, Исиока-кун, только не говори, что ты забыл о существовании своей поклонницы!

Я остолбенел.

– Не может быть... ни за что...

– Встретимся с госпожой Мори. Ты же переживал, что бедняжка в шоке.

– Я не хочу с ней встречаться!

- Так не пойдет. Ты обязан ее поддержать.
 - Но я...
 - Жду тебя внизу. Выключи газ, закрой дверь и спускайся!
- И Митарай быстро вышел.

* * *

Марико Мори говорила, что работает в универмаге, поэтому часы ее работы наверняка отличались от распорядка дня обычного офисного сотрудника. Сейчас она могла быть дома, а не на работе. Но у меня не было ее точного адреса или телефонного номера, поэтому узнать об этом заранее мы не могли.

– Исиока-кун, впредь спрашивай у своих поклонниц хотя бы номер телефона. Кто знает, что может произойти потом...

– Знай я, что так будет, не стал бы тебе ничего рассказывать, – ответил я.

– Можешь не рассказывать. Такой ловелас, как ты, даже месяц ничего скрывать не сможет.

– С чего это вдруг?

– На всех твоих пластинках – молодые певицы, в любимых фильмах – красавицы героини. У изголовья стопки книг о красивых женщинах и известных актрисах, и в кафе ты ходишь только если там симпатичные официантки. Странно, не правда ли? Кажется, она говорила, что живет рядом с рестораном М. Наверное, это ее здание?

Митарай ускорился, завернув за угол. По мере приближения к цели он становился все нетерпеливее.

Дом он нашел сразу. Такой друг весьма полезен, когда ты находишься в активном поиске. Зная совсем немного, он может с легкостью привести тебя домой к женщине. Хотя подобные люди сами редко бывают бабниками.

Квартира Марико Мори находилась на первом этаже многоквартирного дома. На мой взгляд, у такого жилья много недостатков, однако здесь со стороны веранды располагался небольшой сад, явно пришедшийся по нраву жильцам. Сейчас растения уже увяли – к тому же недавно прошел тайфун, поэтому сад производил удручающее впечатление.

На двери в конце коридора с оштукатуренными стенами висела табличка с фамилией «Мори». Нам повезло, и стоило мне нажать на звонок, как Марико Мори сама открыла нам дверь, даже не задавая вопросов по домофону.

– Госпожа Марико Мори? Простите за беспокойство. Вы, должно быть, помните моего друга... – Митараи указал на меня.

Марико потрясенно уставилась на мое лицо.

– Эммм, вы... это... – промямлила она.

Митараи вытаращил глаза, а потом, улыбнувшись, подмигнул мне и спросил:

– Мори-сан, недавно вы читали очень интересную книгу – «Дом кривых стен», не так ли?

– «Дом кривых стен»? Эээ... – Нахмутив брови, она задумалась. – Ах, да, я вспомнила!

– Тогда вспомните, пожалуйста, человека, который написал эту книгу, и шута, что в ней фигурировал.

– А, Исиока-сэнсэй! Вы же Исиока-сэнсэй? Простите, не сразу поняла, я без контактных линз... Ах! Тогда, выходит, вы – Митараи-сэнсэй?

– Что ж, это заняло много времени. Вы вспоминали целую вечность... На самом деле, мы ожидали, что вы пребываете в расстроенных чувствах, поэтому подумали, что можем быть полезны.

– О чем вы? Все это так неожиданно...

– Вы понимаете причину нашего визита? Это из-за господина Таку Фудзинами.

Митараи внимательно следил за Марико Мори.

– Фудзинами?.. Ах, Исиока-сэнсэй, мы говорили о нем, об этом нехорошем человеке... Так что с ним? – быстро протараторила Марико Мори, ее пухлые щеки порозовели.

– Вы ничего не знаете? – спросил Митараи, пристально глядя на девушку.

– Нет, а что? – На ее губах промелькнула улыбка.

– Его тело обнаружили вчера утром.

– Что?! – Улыбка исчезла с ее лица, а щеки мгновенно побелели.

Удивленный голос стал глухим и слабым, и больше походил на шепот.

– Вы ничего об этом не слышали?

– Нет, ничего... это что, правда?

– Правда. Напечатано в утренней газете. Поэтому я и хотел расспросить вас немного, Мори-сан.

Марико никак не отреагировала на слова Митараи. Она был так удивлена и напугана, что, казалось, вот-вот лишится чувств. Я растерянно потоптался на месте.

– Мне очень...

– В торговом центре «Исэдзаки» есть кофейня под названием Р. В ней вы встречались с господином Исиока на прошлой неделе. Мы подождем вас там, пока будем завтракать. А вы сейчас должны успокоиться. Во сколько начинается ваша смена на работе?

– Сегодня выходной...

– Как удачно! Что ж, до встречи.

– Да...

Убедительно поговорив с Марико Мори, Митараи поклонился и вышел. Женщина так и осталась стоять, рассеянно держась за дверную ручку. Я ощутил острую боль в груди.

3

Мужчина в одиночестве рисует на стене при тусклом свете масляной лампы. Необычная картина. В центре композиции – большое дерево; его толстый ствол похож на человеческое тело – он подобен длинному вытянутому туловищу.

Посередине ствол расколот надвое, из разлома вывалились человеческие скелеты. Все кости на месте – один, два, три – всего четыре скелета.

Верх ствола разверзнут, как пасть крокодила. В нем, наполовину увязнув, борется человек. Сверху виднеется только нижняя часть его тела, словно огромная змея начала пожирать его с головы.

Разверзнутая пасть дерева усеяна устрашающими неровными зубами. Дерево пожирает людей. От человеческих трупов, покинувших его желудок, не осталось ничего, кроме голых костей.

Рядом с деревом стоит старое здание в европейском стиле. На его крыше сидит мужчина, словно всадник на лошади. Он, не отрываясь, смотрит вниз, на дерево, пожирающее людей.

Что это за картина? Почему рисующий ее человек так серьезен? Один в темной комнате, он, не отводя взгляда от стены, решительно орудует кистью.

4

Мы уже закончили с завтраком, когда Марико Мори наконец пришла. По ее красным глазам я понял, что она плакала. Далеко не такая энергичная, как на прошлой неделе, женщина неловко придвинула стул и села с нами. Митарай продолжал дерзко смотреть прямо на нее.

– Исиока-кун хотел вас видеть, – вдруг сказал он.

– В самом деле? – обессиленно спросила Марико. Однако на ее губах промелькнула улыбка.

– Все это время он думал о вас, неважно, во сне или бодрствуя. Просыпался с вашим именем на губах. Думаю, вы – самая добрая и очаровательная девушка, которую он когда-либо встречал. Поэтому с таким нетерпением ждал новой встречи с вами.

Как не стыдно было ему так нагло врать! Мне стало совсем горько, но я промолчал, решив, что от этого Марико могла почувствовать себя хоть немного лучше.

– Ваши слова мне очень льстят. Но разве вы не разочаровались при первом знакомстве со мной?

– Нет, что вы, напротив! Видите, как Исиока-кун нервничает, до сих пор ни слова не сказал... Итак, извините, что отнимаю ваше время, но, принимая во внимание сложившиеся обстоятельства, я хотел бы расспросить вас о господине Фудзинами.

– Для меня это потрясение...

– У вас есть соображения насчет того, почему он погиб?

– Нет, совсем нет.

– Не волновался ли он из-за чего-то? Или, может, был так увлечен, что забыл о сне и отдыхе?

– Нет, не думаю... я точно не знаю...

– Но я слышал, что вы были в длительных отношениях – целых семь лет...

– Мы не виделись каждый день. К тому же он не любил говорить о себе.

– Он легко сходилась с женщинами?

– Нет. Так говорили, но все было наоборот. Думаю, женщины его мало интересовали.

– Однако он был довольно популярен, не так ли?

– Это потому, что он был привлекательный. И высокий. Не думаю, что Фудзинами искал себе женщину.

– Но между вами были близкие отношения, верно?

– Ну, мы пару раз встречались на улице или в универмаге. Бывало, пили чай... так и сблизились.

– Ездили вместе кататься на автомобиле?

– Да, на моей машине. У него не было водительских прав.

– Угу. А каким господин Фудзинами был по характеру?

– Характер у него был необычный...

– В каком смысле?

– Он был довольно заносчивым и, казалось, смотрел на окружающих свысока. Как все умные люди, наверное...

– Понятно. То есть, можно сказать, он был весьма неприятным?

– Думаю, да. Он неохотно сходилась с людьми, а временами... ох, нет, мне не стоит говорить лишнее...

– О чем это вы?

– Нет, о мертвых или хорошо, или ничего.

– Мори-сан, у моего интереса есть веская причина. Были ли у господина Фудзинами проблемы с сердцем?

– Нет, я об этом не слышала.

– В таком случае, что вы думаете о случившемся? Мог ли он добровольно ненастной ночью подняться на крышу в одиночку и умереть там от сердечного приступа?

– Ну... – Мариико задумчиво склонила голову.

– Известны ли вам причины столь странного поведения?

– Ну, я...

– Он мог подглядывать за кем-то? Хотя что можно увидеть, поднявшись на крышу ночью во время тайфуна?..

– Нет, он был не из тех, кто стал бы подглядывать.

– В таком случае, мы не можем отбросить возможность того, что господин Фудзинами был убит.

– Убит?.. – Марико запнулась.

– Я не знаю официальной версии полиции, но, думаю, вероятность этого довольно высока.

– Ах, вот как... – слабым голосом произнесла женщина. – Но как можно убить кого-то на крыше? К тому же, чтобы жертва осталась сидеть...

– Верно, Мори-сан! Это загадка! – радостно вскрикнул Митарай. – В любом случае вы ведь тоже хотите узнать правду и найти преступника?

– Ну конечно!

– Тогда расскажите нам что-нибудь. Любой пустяк, любая постыдная на первый взгляд мелочь может в конечном итоге облегчить нашу задачу.

– Да... но, поверьте, это ерунда... он, кажется, не очень любил животных.

– Животных? Кошек там, собак?

– Да, верно. Как-то раз мы гуляли в парке, и я испугалась – он всерьез пытался ударить большим камнем карпа, плававшего в пруду.

– Карпа в пруду? В шутку?

– Да, сперва можно было так подумать, но, увидев его лицо, я поняла, что он действительно хотел его убить.

– Что-то я проголодался; надо заказать сасими из карпа, Исиока-кун... Что-то еще, Мори-сан?

– ...но я любила его, так тосковала...

– Я вас прекрасно понимаю! – Митарай энергично закивал.

– Поэтому я боюсь наговорить плохого. На свиданиях со мной он был холоден, но все же добр и очень вежлив. Он был очень умен,

поэтому все на его фоне казались легкомысленными... да, они могли оттолкнуть его, но не думаю, что окружающие ненавидели его или завидовали.

– То есть господин Фудзинами никогда не говорил, что его ненавидят или обижают, так?

– Никогда. В первую очередь потому, что он не сходил с людьми. Его не за что было ненавидеть – он ни с кем не был настолько близок, чтобы вызвать негативные чувства.

– Не было ли у него долгов?

– Кажется, его нельзя было назвать терпеливым работником. Трудно работать в мужском коллективе, когда ты так популярен среди женщин. Похоже, он часто менял работу... доход его был непостоянным. Но проблем с деньгами не было. Он хорошо одевался и ел в дорогих ресторанах. Я никогда об этом не задумывалась... наверняка человек с его интеллектом мог купить ценные бумаги или выиграть в патинко^[24]. Если подумать, то его квартира выглядела дорого.

– Как насчет версии о мести отвергнутой женщины?

– Не думаю, что это может оказаться правдой. Встретив его, я было решила, что он вообще не обращает на женщин внимания.

– Совсем не плейбой?

– Совсем нет.

– И, конечно же, у вас тоже нет обиды на господина Фудзинами? – Сказав это, Митарай сверкнул глазами.

– Мне не на что жаловаться...

– И он вас ни разу не обманул?

– Было дело, но тут ничего не попишешь. Разве есть на свете люди, которые совсем не врут? К тому же это не страшнее, чем... – пробормотала Марико.

– Чем что?

– Чем рассказы об убийствах животных.

– Животных?

– Да, собак и кошек...

- Он убивал собак и кошек?
 - Он говорил, что, будучи ребенком, ловил соседских кошек и вспарывал им животы... или на веревке подвешивал к дереву и бил битой, чтобы убить.
 - Ого... – протянул Митараи.
 - Но ведь многие дети так делают, особенно мальчишки.
 - Не могу согласиться. Впрочем, не думаю, что это была месть за убитую собаку или кошку.
 - Да? – Марико странно посмотрела на Митараи.
 - И все же, Мори-сан, вы были близки с господином Фудзинами и могли бы даже выйти за него замуж, так?
 - Нет, я никогда не думала о свадьбе.
 - Но хотели бы, чтобы он расстался с женой?
 - Верно, но я была не вправе что-либо требовать...
 - Однако вы все время о нем думали, – безапелляционно продолжил Митараи.
- Увидев, как Марико кивнула в ответ на его слова, я решил, что женщина попросту загипнотизирована.
- Ну... – протянула она.
 - И вы с подозрением относитесь к смерти близкого вам человека
 - Таку Фудзинами, верно?
 - Да.
- Я не выдержал и постарался прийти ей на выручку:
- Пожалуйста, не заставляйте себя понапрасну.
 - Нет, я не заставляю, – резко ответила Марико. – Все именно так, как сказал Митараи-сан. Я очень растерялась, услышав от вас о смерти Фудзинами, но в газетах так и написано. Сейчас все становится яснее. Вы правы: я хочу знать, почему он умер. А если Таку действительно был убит, как вы и сказали, то я хочу найти виновного.
 - Рад слышать, – ответил Митараи, медленно кивнув. – Сейчас однозначно ясно лишь то, что господин Фудзинами скончался от

сердечного приступа. Полицию не интересуют причины, по которым он оказался на крыше один в разгар бури.

– Что должна сделать я?

– Самое простое – это попросить человека, сидящего перед вами, выяснить правду.

– Но передо мной вы, Митарай-сан...

– Я и Исиока-кун.

– Ооо... – Марико выглядела удивленной. Она ненадолго задумалась. – А вы можете это сделать? Но как...

– Просто скажите «да» – и узнаете.

– Но что насчет оплаты...

– Что ж, Исиока-кун обязательно сделает из этой истории книгу, так что в счет оплаты просто купите один экземпляр. А сейчас почему бы нам не отправиться к склону холма Кураями? – предложил Митарай и поднялся из-за стола.

5

Мы втроем вышли из Тёдзямати^[25], пересекли реку Оока и отправились на станцию «Хинодэ-тё» на линии Кэйхин. Оттуда на поезде приехали на станцию «Тобэ». Холм Кураями находился в Ниситобэ-тё, Ниси-ку, – на юго-западе от Тобэ.

Пройдя торговый квартал, мы вышли на широкую дорогу и на первом же светофоре повернули направо по указателю «Госёяма-тё». Путь пролегал между торговым и жилым районами. Можно было взять такси, но Митараи настоял на том, чтобы идти пешком. Мы были недалеко от центра Йокогамы и станции «Сакураги-тё», и я был удивлен, насколько старыми оказались постройки в этом провинциальном городе. Многоэтажек совсем не было, дома обветшали, а вывески – покрыты старой выцветшей краской. Атмосфера была приятной, но я чувствовал себя скорее неловко, словно до этого места пришлось весь день ехать на поезде. Прожив в Йокогаме больше трех лет, я и представить себе не мог, что поблизости могут быть такие районы. Даже сама Йокогама в сравнении с Токио казалась мне провинцией.

– На прошлом светофоре, кажется, был указатель на Госёяма-тё? – севшим голосом сказала Марико, идущая между мной и Митараи. Слушая ее слова, я мельком посмотрел на небо: небо было пасмурным, с низкими облаками.

– Фудзинами-сан как-то рассказал мне одну историю. Район Госёяма-тё на той стороне перекрестка получил название из-за большого особняка и могилы человека по имени Госё-но-Горомару. Кажется, он был героическим военачальником в эпоху Ёситоси^[26]. Раньше местная молодежь верила, что в его могиле спрятаны сокровища, поэтому ее даже пытались раскопать. Позднее на месте захоронения построили дом, а лежащий без дела надгробный камень местный зеленщик решил использовать вместо прилавка:

положил на него доски, а сверху – овощи и начал вести торговлю. Как-то раз ночью у постели зеленщика возник призрак военачальника и запретил заниматься торговлей на его надгробии, приказав вернуть его на прежнее место. Удивленный зеленщик проснулся и понял, что это был всего лишь сон. Однако стоило ему как ни в чем не бывало продолжить торговлю, как заболел и умер его сын, потом слегла с неведомой болезнью жена, а только что собранные свежие овощи тут же начинали гнить. Зеленщик был в отчаянии, но не подумал, что всему виной мог быть его отказ перестать торговать на этом месте. А однажды с вершины утеса упал большой камень и убил его. Когда покрытый кровью этого несчастного торговца камень перевернули, то увидели на нем выгравированные иероглифы «Госёяма». Соседи были крайне напуганы, поэтому вернули надгробие на его законное место и пригласили монаха отслужить панихиду – проклятье тотчас развеялось, и жена торговца излечилась. С тех пор эта местность и носит название «Госёяма-тё».

Так, очень небрежно, Марико Мори рассказала эту жуткую историю. Дул легкий ветерок – еще один след вчерашнего тайфуна. Вокруг попадались сломанные деревья, сорванная кора, сломанные жестяные вывески.

– Здесь много старых и страшных легенд.

– Прямо неизведанный район Йокогамы! – пошутил Митарай.

– Темный холм там, впереди, в старину был местом, где отрубленные головы преступников после казни выставляли на обозрение на специальных платформах, чтобы они не упали. Прямо там, в темном лесу – жуткое место! Раньше местные старались не подходить к темному склону. Говорят, если пойти туда ночью в одиночку, то можно встретить маленького мальчика с фонарем. Милый мальчишка будет идти перед тобой, периодически оборачиваясь и широко улыбаясь. Только это не мальчик вовсе, а демон кицунэ^[27]! Говорят, такое часто случалось до войны. Местные старожилы много раз видели этого духа.

– Вы так много знаете! – заметил Митарай.

– Мне рассказывал Фудзинами. Его младший брат исследует местный фольклор, – тихо ответила Марико.

Чем больше историй я слушал, тем страшнее мне становилось.

Впереди по ходу движения тянулась длинная торговая улица, начинавшаяся у знака с надписью: «Торговый квартал Фудзидана».

– Темный холм вон там! – Марико указала влево.

Слева от дороги, по которой мы пришли, начиналась извилистая дорожка к вершине холма, у подножия которого мы остановились.

Склон был довольно крутым. Я представлял себе пустынный холм, на котором нет жилых построек, но по обе стороны от дороги были выстроены частные и многоквартирные дома. Среди них не было ни одной новой постройки. Все дома выглядели очень старыми: в ряд выстроились здания, построенные до войны или сразу после.

Их провинциальный вид был неплох, но почему-то казался излишне мрачным. Отчасти потому, что со склона не было видно жильцов, придомовых садиков и прочих признаков жизни. Не было похоже, что здесь кипит жизнь, – создавалось ощущение, что на склоне холма остались лишь старые пустующие дома.

Еще каких-то сто лет назад подъем на этот холм означал для любого преступника скорую смерть, и даже сейчас по какой-то причине склон больше походил на город-призрак.

У самого подножия холма справа стоял магазин игрушек; его старая стеклянная дверь была закрыта, но сквозь нее можно было разглядеть витрины. Слева от магазина находился просвет между домами, сквозь который виднелась небольшая поляна с двумя старыми зданиями, похожими на общежития. Позади них одинокая, словно корабль посреди травяного моря, – крыша частного дома.

Мы продолжили подъем по длинному крутому склону. В стародавние времена он был тяжелым участком пути для повозок и путников с багажом.

По левую сторону от дороги был установлен большой камень, на котором хираганой^[28] было выгравировано: «Кураями-дзака».

– Должно быть, это здесь? – наконец спросил Митараи.

Сразу за камнем начиналась старая стена, напоминавшая руины средневекового замка. Она была сложена из вулканического камня оя^[29], разрезанного на части и уложенного наподобие кирпича.

Долгое время противостоявшая ветру и дождю стена сильно потемнела: я узнал камень, только подойдя совсем близко. Издалека она была абсолютно черной. Примерно половина этой мрачной стены была скрыта виноградной лозой, усыпанной зелеными листьями.

Однако нас удивила не стена, а огромный камфорный лавр, растущий по соседству. Его ветвей хватило бы на небольшой лес, и даже осенью на них были великолепные зеленые листья.

Кроме лавра, поблизости росло еще несколько деревьев, но они выглядели подобно детям, собравшимся у ног великана-отца. Это камфорное дерево нависало своими густо покрытыми листьями ветвями над склоном, создавая мрачное впечатление. Действительно, я воочию убедился, что это «темный» холм.

В стороне от камфорного лавра виднелось здание в европейском стиле с двускатной крышей, покрытой черепицей. Со склона я не мог увидеть все стены здания, закрытые садовыми деревьями, но заметил, что стены также были увиты виноградной лозой, покрывшей все, кроме окон.

– Это дом матери господина Фудзинами? – спросил я.

Марико подняла голову и медленно кивнула.

– Выходит, прямо на той крыше... – нехотя продолжил я, и она снова грустно кивнула.

Человек в зеленом свитере, неподвижно сидящий на крыше этого мрачного здания посреди темного холма, – должно быть, странное зрелище. Подняв голову, я представил себе эту сцену и содрогнулся от охватившего меня ужаса.

Мы шагнули в полумрак у корней камфорного лавра, раскинувшего свои ветви над каменной стеной. Подъем был долгим, и я уже успел запыхаться, поэтому на мгновение остановился

перевести дыхание. Заметив это, Митараи тоже встал. Марико присоединилась к нам, и мы втроем посмотрели вверх.

Влажный запах растений. Запах старого промокшего камня. После бури у наших ног были разбросаны бесчисленные веточки и листья: одни были зелеными, а другие – коричневыми и увядшими.

– Какое удивительное дерево, Исиока-кун! – произнес Митараи, опустив подбородок. Он был впечатлен.

Я кивнул в ответ и посмотрел на друга. Не припомню, чтобы мне раньше доводилось видеть такое огромное дерево.

На минуту мы замерли посреди темного склона под гигантским деревом. Это было весьма символично – ведь камфорный лавр еще сыграет ключевую роль в нашем расследовании.

6

Выйдя на вершину холма – там, где за потемневшей от времени стеной и огромным камфорным деревом заканчивался склон, – мы наконец оказались на ровной площадке.

Именно там, чуть правее от каменной стены и камфорного лавра, когда-то находилась школа Пэйна, о которой пока не знали ни я, ни Митараи. Марико, вероятно, могла когда-то о ней слышать, но все сведения о Темном холме, известные нам на тот момент, мы почерпнули из ее короткого рассказа. А она, в свою очередь, вряд ли многое узнала от Таку Фудзинами.

Площадка оказалась довольно большой: кроме дома в европейском стиле и каменной стены, укрытых ветвями камфорного дерева, там разместились заброшенная общественная баня, современный многоквартирный дом и даже парковка, окруженная унылой растительностью.

На крыше дома в европейском стиле, разумеется, никого не было. С момента страшного происшествия минуло всего два дня, но вокруг дома Фудзинами было на удивление тихо – ни следа зевак, полиции или прессы.

Здание в европейском стиле было окружено невысокой оградой из красного кирпича и живой изгородью. Один раз обойдя вокруг дома, видного со склона холма, мы убедились в том, что живая изгородь защищала дом и сад от посторонних взглядов. Ведущая к дому дорога, должно быть, была специально проложена по земле, принадлежащей семье Фудзинами.

Со стороны главного входа путь преграждали черные кованые ворота с украшением в виде львиной морды. Только оттуда можно было разглядеть сад и само здание. Сад был весьма причудливым, и почва в нем блестела, словно обсыпанная серебряной пудрой. Меня это заинтересовало, но Митараи, казалось, внимательно изучал само здание в европейском стиле.

Это было трехэтажное здание с синей шиферной крышей. Как это часто бывает в европейских постройках, прямо под крышей были установлены панорамные окна, поэтому на третьем этаже, судя по всему, располагалась мансарда.

– Если он сидел на крыше лицом в ту сторону, значит, смотрел на лавр, – бормотал Митараи, держась за металлическую дверь.

От его слов я вздрогнул, вспомнив о страшной причине нашего визита.

– Но что вообще можно увидеть, сидя там? Вот бы подняться и сесть, как труп тогда... – продолжил Митараи, нисколько не заботясь о приличиях; зато стыдно стало мне. – Оттуда виден только камфорный лавр. За ним ничего не разглядеть – мешают толстые ветки. Очевидно, он и вправду забрался туда, чтобы увидеть дерево. Но почему господин Фудзинами поднялся на крышу в такую ненастную ночь? Мори-сан, у вас есть идеи?

– Ну, я не... – Марико покачала головой.

– Не было ли у него странностей?

– Он был необычным человеком, но точно не сумасшедшим!

– Ага, – Митараи кивнул. – Зачем же такой обыкновенный человек в ненастную ночь забрался на крышу, откуда видны только ветви камфорного дерева? Что ж, хорошо, стоит мне добраться до причастных к этому людей, и мы узнаем правду! – заключил он, подошел к железным воротам и остановился перед ними. – Мори-сан, единственный член этой семьи, с которым вы познакомились, – это супруга Таку Фудзинами?

– Да... – На мгновение застыв, женщина осторожно кивнула.

– Знаете ли вы кого-то еще из причастных к произошедшему?

– Нет, не знаю.

Митараи, задумавшись, сделал шаг в сторону.

– Неужели мне нужно снова встретиться с госпожой Фудзинами? – робко спросила женщина.

– Боюсь, у нас нет выбора. Мы здесь никого не знаем, и в полиции Йокогамы у нас знакомых нет.

– Да... – Марико угрюмо кивнула.

– Будет достаточно, если вы представите нас хотя бы одному человеку; мы сделаем все остальное. Как зовут жену господина Фудзинами?

– Кажется, Икуко-сан.

– Икуко Фудзинами? Понятно. Их квартира там, верно? – Митарай оглянулся и указал на пятиэтажный дом, возвышавшийся за зданием заброшенной бани.

– Да, там, – шепотом ответила Марико.

Многоквартирный дом выглядел очень современным благодаря открытым верандам.

– Давайте сперва немного пройдемся, – предложил мой друг и окинул взглядом окрестности.

Чуть южнее ограды дома Фудзинами, на крыше которого обнаружили мертвеца, находилась общественная баня с высоким дымоходом. В отличие от здания в европейском стиле баня не была обнесена забором. Казалось, ее возвели прямо на цементном квадрате фундамента.

С обеих сторон по краям двускатной крыши, обычной для зданий бань, были помещены фигуры сятихоко^[30] – совсем как на крыше замка, – но само здание выглядело абсолютно заброшенным. Когда-то выкрашенные в белый цвет стены были покрыты надписями и граффити, а пропускавшие в помещение солнечный свет высокие окошки были разбиты. Может быть, местные ребяташки соревновались в меткости, бросая в них камни?

Над главным входом, наглухо заколоченным досками, было написано: «Бани Фудзидана-ю». Подойдя к западной двери, мы обнаружили, что она сломана, и при желании сквозь щель можно было легко протиснуться внутрь.

Обширное пространство с полом, выложенным белой плиткой, производило странное впечатление. Краска на стене, где была нарисована гора Фудзи, стала неразличимой из-за разъевшей ее красно-черной ржавчины. Мне, как художнику, было больно на это

смотреть. Живописец вложил душу и время своей жизни в это изображение – лишь для того, чтобы оно так бесславно пропало.

Тусклый луч света упал на пол, подсветив белую плитку. Как я и думал, она была усеяна бесчисленными отпечатками детской обуви. Пол местами потемнел от пыли и грязи, повсюду были разбросаны осколки плитки и деревянные щепки. По полу бежали трещины, через которые пробивались трава и сорняки. Посеребрение сошло с выстроенных в ряд кранов, оголив их латунные части, кое-где побелевшие от времени. Через треснувшее дно купели также обильно прорастали сорняки.

– Прямо древнеримские руины, – пробормотал Митараи. – Похоже, здесь была своя маленькая империя...

Стоило нам выйти на улицу, как ветер ударил мне в лицо. По левую руку высился огромный дымоход. Мы подошли к трубе вплотную, и Митараи какое-то время смотрел вверх.

У основания дымоход был таким широким, что даже втроем, взявшись за руки, мы не смогли бы его обхватить, а его верхушка терялась высоко в небе. Огромный столб перед нами очень напоминал трубу крематория.

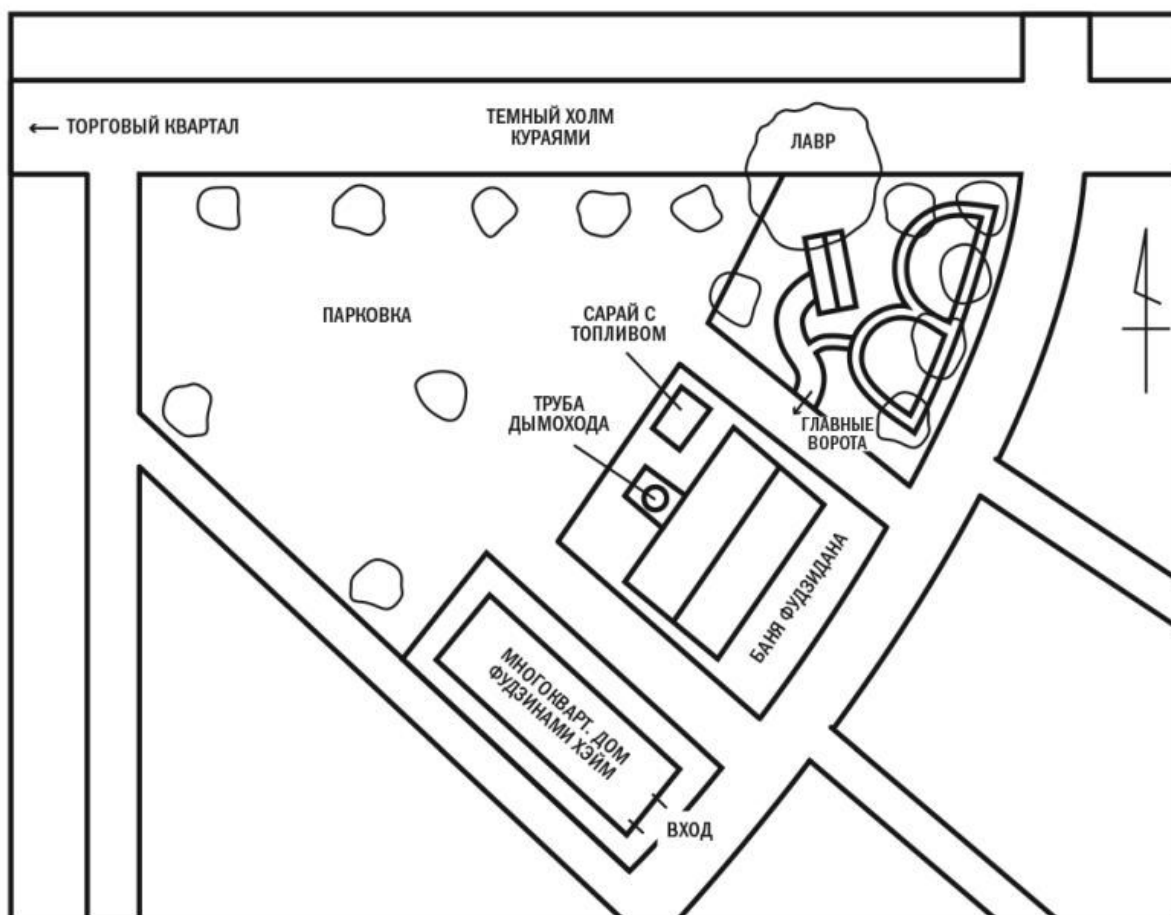
Рядом с трубой стоял сарай. Дверь была незаперта, и Митараи, взявшись за ручку, легко открыл ее.

– Ого, тут много дров и угля! Странно, обычно бани отапливали мазутом...

Мой друг подошел к металлической двери печи и заглянул внутрь. Я тоже было хотел посмотреть, но остановился. Мы собирались нанести визит семье Фудзинами, так что лучше было остаться чистыми.

Участок между баней Фудзидана-ю и оградой участка дома Фудзинами не был заасфальтирован – дорожку насыпали мелким гравием. Его, казалось, нанесли сюда случайно, с большой стоянки за зданием бани. На парковке, окруженной низенькими деревьями, похожими на камфорные лавры, стояло много автомобилей, припаркованных по долгосрочному контракту. Мое внимание

привлек один из них – красный «Порше 994». Казалось, эту парковку построили прямо за заметной с темного склона каменной стеной, увитой плющом.

ПЛОЩАДКА НА ВЕРШИНЕ ТЕМНОГО ХОЛМА

Обойдя всю вершину холма, мы обнаружили, что площадка имеет довольно интересную форму. Большой участок земли, включающий резиденцию Фудзинами и пятиэтажный жилой дом Фудзинами Хэйм, по форме был максимально приближен к треугольнику, а не к трапеции, как я думал ранее. На этом странном участке когда-то стоял стекольный завод. Затем его сменила школа для иностранцев, а теперь – парковка. Однажды я слышал от товарища, учившегося на

архитектурном факультете моего университета, что, с точки зрения геологии, треугольник – зловещая форма.

Гуляя по окрестностям и вдыхая терпкий запах растений, я не мог забыть об этих словах, хотя, возможно, дело было в погоде после страшного тайфуна или в том, что неподалеку при таинственных обстоятельствах обнаружили тело погибшего мужчины.

На Темном холме царила странная необъяснимая атмосфера – казалось, сам воздух на нем был другим. Возможно, из-за того, что мы не встретили ни одного человека. Или из-за непрерывного гула ветра в кронах деревьев.

– Парковка прямо посреди леса – приятное место, – вдруг произнес Митарай, идя по усыпанному гравием пустырю. – Кстати, Темный холм Кураями в Йокогаме, вместе с лесом Судзуга-мори и равниной Кодзукаппара^[31], в эпоху Эдо был известным местом публичных казней. Никто точно не знает, сколько преступников было обезглавлено здесь сто с лишним лет назад. Тут должно бродить множество злых духов, лишившихся голов. – От этих слов мне стало жутко. – В период открытия границ в эпоху Мэйдзи на этом темном склоне иностранцы сделали больше фотографий казненных, чем даже в Судзуга-мори.

– Прекрати, пожалуйста. Мне не по себе, – попросил я.

Митарай усмехнулся и замолчал.

– Пусть тебе это не нравится, но я чувствую, что произошедшее абсолютно точно связано с историей этой местности. Исиока-кун, мы будем изучать историю! – сказал он, спрятав руки в карманы. – Дом Фудзинами и баня Фудзидана-ю очень старые. Общественная баня буквально превратилась в руины. Говорят, что дом, на крыше которого обнаружили тело, был построен еще до войны, а камфорный лавр рос на холме со времени основания японского государства! Стоя на этом месте, можно ощутить течение времени... Исиока-кун, время – это ключ к разгадке любой тайны. Каждый божий день мы вынуждены страдать, не понимая, где найти ответы на вопросы, всплывающие на поверхность, подобно волдырям на

коже. Но все наши действия – не более чем мазь, снимающая симптомы. А мы сами – всего лишь пятнышко на кончике мизинца огромного гиганта истории! Сущность любой тайны в том, что ее невозможно разгадать, не вступив в лабиринт пространства-времени – только тогда наши самоотверженные усилия будут отмечены одной из морщинок, тонкой линией годовых колец, отпечатком ископаемого наутилуса в мраморе... Все мы – словно прозрачные пузырьки, плавающие в потоках воды... В любом случае этот многоквартирный дом Фудзинами Хэйм выглядит совершенно новым. Будем надеяться, что хозяйка согласится с нами поговорить. Мори-сан, вы не знаете, сколько у Таку Фудзинами братьев и сестер и каковы были их отношения с родителями?

– Да, кажется, он говорил, что у него есть брат... Мы всего пару раз говорили с ним о его семье.

– Что ж, значит, об этом нам ничего точно не известно. А еще он сначала живет в Синагаве, а потом вдруг переезжает в Йокогаму. И на месте его дома располагался сначала стекольный завод, а затем – фамильный особняк. Но на самом деле, оказывается, здесь построен новый многоквартирный дом.

– Ну...

– Скажем так, впредь будем делать выводы, только собрав показания всех вовлеченных сторон! – заявил идущий впереди Митарай и решительно направился к главному входу дома Фудзинами Хэйм.

7

Зайдя через парадный вход в лобби, мы поискали среди почтовых ящиков, висящих в ряд у дальней стены, фамилию Фудзинами. На ящике номер 401 было написано: «Таку Фудзинами» – должно быть, его квартира была на четвертом этаже.

Когда мы направились к лифту, Марико замедлила шаг и, оглянувшись, сдавленно прошептала:

- А... мне обязательно туда идти?
- Неужели вас что-то гложет? – сухо спросил Митарай.
- Да, ведь...
- У господина Фудзинами нет детей?
- Нет, не думаю... он говорил, что нет.

Нажав на кнопку вызова лифта, мой друг отметил, что не стал бы полностью доверять словам Таку Фудзинами.

– Но я была там лишь однажды, хотя по обстановке не было похоже...

- У его супруги суровый характер?
- Нет, она вела себя спокойно и показалась мне хорошим человеком. Но...

– Учитывая, при каких обстоятельствах погиб ее муж, теперь она может быть не такой спокойной. Поручите это мне! Трудно сказать, в каком состоянии сейчас близкие Фудзинами. Вовсю идет подготовка к похоронам: в доме, должно быть, полно народа, они могут и не заметить посторонних. Решим, как действовать, исходя из ситуации. По возможности постарайтесь первой не заговаривать с его женой, хорошо? – сказал Митарай и, подтолкнув Марико в спину, завел ее в открытые двери лифта. Всю дорогу в лифте женщина молчала, должно быть, из-за сильного волнения.

В коридоре на четвертом этаже стояла тишина. Не было слышно разговоров – никаких следов того, что семья Фудзинами готовилась к похоронам.

Нужная нам квартира оказалась угловой с северо-западной стороны. Входная дверь справа по коридору, рядом с дверью аварийного выхода, внешне отличалась от других на этаже. Над домофоном висела карточка с именем «Таку Фудзинами».

Мурлыча что-то себе под нос, Митарай направился напрямик к двери квартиры человека, найденного мертвым на крыше дома Фудзинами. Кажется, он напевал отрывок из произведения Моцарта «*Eine Kleine Nachtmusik*»^[32], но я не был в этом уверен. Под аккомпанемент этой мелодии мой друг, не колеблясь, нажал на кнопку домофона. Марико выглядела так, будто вот-вот расплечется. Своим пением Митарай, очевидно, продемонстрировал готовность взять разговоры на себя.

– Да? – раздался в динамике домофона тихий женский голос.

Митарай прекратил напевать и сказал:

– Простите за неожиданный визит; я – частный детектив по фамилии Митарай. Я хотел бы задать несколько вопросов о покойном Таку Фудзинами...

– Извините, я не готова ни с кем говорить. Я вешаю трубку.

– Я прекрасно вас понимаю, но мы должны торопиться, чтобы не упустить убийцу вашего мужа...

– Убийцу?

– Верно. Икуко-сан, вы не знали, что вашего мужа убили?

– Нет. Это правда?

– Полиция вам не сообщила?

– Нет, они говорили, что это несчастный случай...

Митарай высунул кончик языка.

– Что ж, для них это обычное дело – скрывать правду от родственников. Вам отдали тело Таку?

– Нет, его должны вернуть сегодня. Неужели моего мужа вправду убили?

– Да. И я привел свидетелей, чтобы вы в этом убедились.

– Кого?

– Откройте дверь – и сами все узнаете.

Домофон умолк. Митарай застыл и, не отрываясь, смотрел на дверь. Ее явно заменили после переезда в квартиру: в отличие от стандартных металлических дверей она была изготовлена из дорогого дерева. Но в этой двери не было глазка.

Зазвенела дверная цепочка, и дверь приоткрылась. Женщина выглянула в коридор и осмотрела нас троих. Увидев рядом со мной Мариико Мори, она удивленно вскрикнула. Две женщины, вновь встретившиеся при столь печальных обстоятельствах, поклонились друг другу.

– Не могли бы вы нас впустить? Уверяю вас, мы действуем в интересах господина Фудзинами. Обещаю, вы не пожалеете о нашем сотрудничестве.

Немного поколебавшись, Икуко Фудзинами все же сняла дверную цепочку и открыла нам дверь, толкнув ее указательным пальцем.

– Мори-сан, вы хотите сказать, что у вас есть доказательства того, что мой муж был убит? – первым делом спросила она, глядя на Мариико.

– У нас есть, – быстро поправил Митарай. – Но расследование сейчас на той стадии, когда мы не можем раскрыть вам все детали. Возможно, ваши показания позволят нам ускорить процесс.

План Митарай был гениален. Он действительно умел забросить наживку, чтобы добыть нужную ему информацию.

– Меня зовут Митарай. А это – мой друг Исиока. Мы занимаемся расследованием по просьбе этой госпожи. У Мори-сан есть основания подозревать, что господина Таку убили.

– Не хотите ли вы сказать, что у нее на это больше причин, чем у меня, его законной супруги?

– Фудзинами-сан, у вас есть подозрения? Разве, выслушав версию полиции, вы не согласились с тем, что ваш муж сам забрался на крышу дома и умер от сердечного приступа?

– Ну... это...

– У вас есть подозрения?

– Да.

– Вы хотели бы раскрыть эту тайну?

– Да, но разве Мори-сан может это сделать? Это ведь обязанность жены.

– И я так думаю. Что ж, не стесняйтесь, рассказывайте. Об оплате не беспокойтесь.

Икуко Фудзинами была элегантной женщиной около тридцати. С серьезным лицом она обратилась к Митарай:

– Вы действительно уверены в том, что это убийство?

– Абсолютно уверен! Мори-сан тоже. Несмотря на то что она, придя сюда, рискует собственным семейным счастьем, пусть лучше *мы* будем расследовать смерть вашего супруга, чем какой-нибудь абсолютный незнакомец.

От удивления я не мог вымолвить ни слова. Марико тоже изумленно застыла. Однако выражение лица Икуко Фудзинами изменилось: она смягчилась, на ее лице возникла легкая усмешка.

– Вы выходите замуж?

– Время не ждет, госпожа Фудзинами... Кстати, не стоит нам разговаривать в таком месте, где всюду посторонние. Разрешите войти?

Митарай уже стоял в дверном проеме, практически зайдя в квартиру. Икуко Фудзинами, кивнув, отошла в сторону и пропустила его.

* * *

Интерьер был слишком роскошен для обычной квартиры. Пройдя в прихожую-гэнкан^[33], мы увидели отполированный деревянный пол. По обе стороны ведущего в квартиру коридора выстроились межкомнатные двери. На первый взгляд казалось, что комнат не меньше четырех.

Хозяйка открыла дверь справа и пригласила нас войти. Это была гостиная квартиры Фудзинами. Ковер на полу, свежеразкрашенные

стены и потолок – все выглядело абсолютно новым. Госпожа Фудзинами вышла, чтобы заварить чай, а мы втроем остались сидеть на диване.

– Зачем ты так сказал? – шепотом я обратился к Митараи.

– О чем это ты?

– Про свадьбу!

– А разве нет? Мори-сан, вы же разговаривали с госпожой Фудзинами об этом в этой самой гостиной?

– Да, наверное, – Марико напряженно кивнула. Потрясенная странным поведением Митараи, она покраснела.

Необычная дверь со вставкой из матового стекла открылась, и в комнату вернулась госпожа Фудзинами с чайными чашками на подносе. Поставив перед нами чашки, она наконец села. Митараи, не в силах больше ждать, выпалил:

– Полиция заявила, что у Таку Фудзинами был сердечный приступ, верно?

– Да, сразу, как обнаружили тело, и потом по телефону...

– Уже после вскрытия?

– Да.

– Ваш муж всегда испытывал проблемы с сердцем?

– Никогда такого не было.

– Возможно, у вас есть соображения относительно того, почему он скончался от сердечного приступа?

– Нет, совсем нет.

– Нас устроит любая догадка. Любая незначительная мелочь, касающаяся повседневной жизни господина Таку.

– Полиция меня уже расспрашивала, но я правда не знаю, что к этому добавить. Моего мужа не за что было ненавидеть. Он был не такой, как все, но я не припомню у него странностей или необычных хобби.

– Мог ли он сам залезть на крышу?

– Полиция спрашивала об этом, но я не знаю причину...

– То есть вы не знаете?

– Да, понятия не имею.

– Он когда-нибудь до этого взбирался на крышу дома?

– Не припомню такого.

– Ага, понятно. – Митарай с сожалением кивнул, не сводя глаз с Икуко Фудзинами.

– Муж говорил, что боится высоты... Точно не был экстремалом. Он обычно молчал, любил читать книги или рыбачить в одиночестве. Зачем ему было лезть на ту крышу...

– Простите, а давно вы женаты?

– С семьдесят шестого года.

– Ясно. Это был брак по договоренности [\[34\]](#)?

– Да, можно сказать и так. Мой начальник в банке Y. Как-то спросил, не хочу ли я познакомиться с мужчиной, и привел его...

– То есть вы начали встречаться, еще когда работали в банке?

– Верно.

– Получается, вы были женаты почти десять лет?

– Верно, – ответила женщина угрюмо.

Кажется, ей стало грустно: ее глаза заблестели от слез. Однако Митарай был из тех мужчин, которые не в состоянии понять женские эмоции, поэтому он продолжил жутко прозаичным тоном:

– Значит, за это время вы хорошо его изучили. Подскажите, за последние девять лет он ни разу не поднимался на крышу того дома?

– Нет, никогда.

– И даже не пытался?

– Я никогда ничего подобного от мужа не слышала.

– Это дом его детства? Там все еще проживают его родители?

– Да, но... – Из-за подступивших слез слова Икуко Фудзинами резко оборвались.

– Не проживают?

– Нет, всё так...

Митарай ждал, плотно сжав губы.

– Так вы не знаете? Честно говоря, его родители...

- Что вы хотите сказать?
- В доме живет только его мать – Ятиё Фудзинами.
- А отец?
- Отец моего мужа – англичанин по имени Джеймс Пэйн.
- А? – удивленно вскрикнула Марико. – То есть он – ребенок от смешанного брака^[35]?
- Да, это так, – холодно ответила Икуко Фудзинами.
- И что же мистер Пэйн?
- Я слышала, что его родители развелись и его отец вернулся в Англию.
- Кто еще проживает в том доме?
- Свекровь повторно вышла замуж.
- За кого?
- Его зовут Тэруо-сан. Фамилия, кажется, Мицумото.
- Этот многоквартирный дом, баня и парковка тоже принадлежат семье Фудзинами?
- Да. Раньше все это было территорией школы Пэйна.
- Понятно. И поэтому земля принадлежит семье Фудзинами?
- Да.
- Насколько большой этот участок?
- Это треугольный участок, окруженный дорогами и каменной стеной у подножия Темного холма. Все это раньше принадлежало школе.
- Это огромное состояние! Директором школы был отец господина Таку?
- Верно. Это была школа для детей иностранцев.
- А до этого?
- Слышала, что раньше здесь был стекольный завод.
- А правда, что еще раньше здесь было место публичных казней?
- Я точно не знаю. Жуткая история... Вам лучше спросить у Юдзуру, он изучает подобные вещи.
- Юдзуру-сан?..
- Это младший брат мужа.

- А где его можно найти?
- Да в этом же доме.
- Номер квартиры?
- Триста один. Этажом ниже.
- То есть это квартира прямо под вашей?
- Да.
- Сколько братьев и сестер у вашего мужа?
- Двое.
- Юдзуру-сан и?..
- Еще младшая сестра, Рэйна.
- Рэйна-сан... Какое необычное имя!
- Вы не слышали о ней? Она – известная модель...
- Нет.

Митарай обычно не смотрел телевизор, поэтому его познания в современной массовой культуре близились к нулю.

- Так она – знаменитость?
- Сейчас ее многие знают...
- Тогда позже я обязательно расспрошу о ней моего друга, – ответил Митарай, бросив на меня странный взгляд.

Честно говоря, услышав это имя, я почувствовал, что мое сердце вот-вот остановится.

– Рэйна-сан известна под псевдонимом Леона Мацудзаки, верно? – спросил я.

– Верно.

Для меня это запутанное дело сразу стало в разы интереснее. Леона Мацудзаки была моделью и просто красавицей, мелькавшей на обложках журналов и в популярных программах на телевидении.

– Как?.. Леона Мацудзаки – его сестра? – удивилась Марико. Кажется, она услышала об этом впервые.

– Леона-сан тоже живет в этом доме? – спросил я.

– Да, в квартире на пятом этаже. Но она редко здесь появляется... кажется, у нее жилье в Токио.

– В кондоминиуме Минами Аояма... – начал было я, но Митараи меня прервал.

– Хватит о ней. Подробности мне расскажет мой друг. Вы знаете даты рождения каждого из них?

– Юдзуру родился в сорок седьмом году.

– А месяц и число?

– Этого я не знаю.

– Леона, кажется, в шестьдесят третьем или четвертом...

– Весьма приблизительно.

– Да.

– У госпожи Фудзинами есть дети от второго мужа, Тэруо?

– Нет. Они поженились в семьдесят четвертом году, а Ятиё двадцать третьего года рождения...

– Брак после пятидесяти.

– Верно.

– При каких обстоятельствах?

– Я не знаю.

– А сколько лет господину Тэруо?

– Кажется, он родился в тридцать втором году.

– Из какой он семьи?

– Я точно не знаю; по-моему, местных пекарей.

– Юдзуру-сан женат?

– Нет.

– Убежденный холостяк?

– Да.

– Разве мать Фудзинами не настаивала на женитьбе сыновей?

– Ей это было совершенно безразлично. Кажется, моего мужа она никогда не торопила с созданием семьи. Даже его коллеги встретили новость о нашей свадьбе радостнее, чем она. Нет, она не уговаривала Юдзуру жениться.

– Женщина с правильными взглядами на жизнь! – Митараи, кажется, был впечатлен.

– Свекровь – очень странная женщина. Она никогда не спрашивала нас, когда мы собираемся завести детей.

– Ого!

– Кажется, советовала мужу не заводить их...

– Женщина, родившая троих детей, и даже вышедшая второй раз замуж после пятидесяти?

– Да, – Икуко с горькой усмешкой кивнула. – Я не очень хорошо понимаю свою свекровь... насколько мне известно, она не пыталась устроить брак для Юдзуру.

– То есть у Юдзуру сейчас нет женщины?

– О, есть! – Икуко странно рассмеялась. – Они сейчас живут вместе.

– Уже давно?

Икуко Фудзинами посмотрела прямо на Митарай и сказала:

– Вы имеете в виду его нынешнюю женщину?

После неловкой паузы мой друг спросил:

– О, то есть он все время живет с разными женщинами?

– С момента моего переезда в квартиру мужа сменилось уже трое.

Митарай довольно потер руки. Он обожал такие неприличные истории.

– Выходит, он – дамский угодник?

– Можно сказать и так. Но свекрови все равно, она не лезет в его дела.

– Детей нет?

– У Юдзуру? Нет.

– Хоть кто-то из младшего поколения Фудзинами завел детей?

– Нет. У нас с мужем, к сожалению, тоже не было.

– Но, если вы хотели ребенка, может, стоило попробовать...

– Не хочу об этом, – резко выпалила женщина.

Митарай, словно не услышав ее, продолжил:

– А каких женщин предпочитает господин Юдзуру?

– Женщин несолидных профессий, если вы понимаете, о чем я...

– Ооо, понял! Но ведь это влечет за собой так много расходов! Все равно что держать карпа за миллион йен в частном пруду. Затраты на содержание, должно быть, непомерные! – Митарай, видимо, решил, что это подходящее сравнение.

– Вот поэтому... – Икуко Фудзинами вдруг остановилась. Однако было очевидно, что она непременно продолжит свой рассказ. Все-таки Митарай умеет завоевывать доверие женщин.

– Возможно, мне не стоило бы говорить об этом, но у мужа с его братом были конфликты из-за денег... Например, случай с парковкой. Прибыль обычно делили поровну на двоих, но поскольку Юдзуру был управляющим, он несколько раз спускал все до последней иены...

– Понятно. На своих женщин?

– Да, верно.

– А что насчет этого здания?

– Дом еще новый, пока вся прибыль уходит на погашение долгов по строительству. Боюсь, проблемы начнутся, когда появятся свободные деньги...

– Как зовут женщину, которая сейчас проживает с господином Юдзуру?

– Тинацу-сан.

– Какая она?

– Любит выпить.

– Вот как... – Словно соглашаясь с чем-то, Митарай кивнул. – Чем занимается Юдзуру-сан?

– Раньше работал в лаборатории частного университета Y., но потом пошли слухи о его связи с кем-то из студенток, и он лишился работы.

– То есть сейчас он безработный?

– Кажется, у него собственный кабинет в доме матери, где он может заниматься своими исследованиями.

– Что он изучает?

– Обычай, историю, в общем, все, что связано со смертной казнью...

– Смертная казнь?

– Да, думаю, он заинтересовался этим потому, что раньше на этом месте была знаменитая тюрьма.

– Выходит, Юдзуру-сан часто надолго оставался в доме матери?

– Да, верно.

– А Таку-сан?

– Он практически не бывал там.

– А кто занимался помощью по хозяйству – стиркой, уборкой?

– Тэруо-сан. И семейная пара по фамилии Макино из фотоателье по соседству. Они регулярно приходили помочь. И дочка Тэруо-сан заходила после школы.

– Вы о его дочери от первого брака?

– Да.

– Ее имя?

– Миюки-сан.

– А возраст?

– Она родилась в шестьдесят восьмом году, так что сейчас ей, должно быть, шестнадцать.

Отличительной особенностью Митарай было то, что, задавая вопросы, он никогда не делал никаких заметок или записей.

– Миюки-сан – единственный ребенок Тэруо-сан от первого брака?

– Верно.

– А что случилось с его первой женой?

– Она скончалась.

– Тэруо-сан и его дочь всегда находятся в доме?

– Миюки – старшеклассница, так что она ходит в местную школу.

– На данный момент только у Леоны-сан есть работа за пределами города?

– Да, даже по работе надолго не отлучаются. Леона хоть и непостоянная особа, но, бывает, по месяцу не уезжает из своей

квартиры.

– Номер ее квартиры?

– Пятьсот один.

– В этом доме нет свободных квартир?

– Хотите здесь поселиться?

– Мой друг хочет.

– Соседняя до недавнего времени пустовала, но мы уже нашли жильцов, очень жаль... Теперь весь дом заселен.

– Действительно, жаль. Исиока-кун, придется тебе поискать себе жилье у станции Басямити или в Исэдзаки-тё. Кстати, Фудзинами-сан, еще кое-что... Не было ли у вашего мужа причин задумываться о самоубийстве?

Икуко Фудзинами уставилась на репродукцию картины на противоположной стене. Кажется, это был кто-то из импрессионистов. Помолчав немного, она медленно и осторожно произнесла:

– Мой муж был очень умным человеком.

То же самое говорила о нем Марико.

– У него, наверное, были какие-то заботы, которых я не понимала. Нормальная работа в офисе с девяти до пяти... возможно, такая жизнь была не для него. Может, что-то беспокоило его, но он ничем таким не делился. Господин детектив, вы ведь тоже умный человек – наверное, понимаете, о чем я говорю?

– У меня вообще нет никаких забот, – с гордостью ответил Митарай.

– Вот как? – грустно ответила супруга Таку Фудзинами.

– Кто первым обнаружил тело вашего мужа?

– Местный житель.

– Кто он?

– Я слышала, что первым его обнаружил владелец магазина игрушек у подножия холма. Называется, кажется, «Львиный чертог».

– Да, мы видели этот магазин по пути сюда. Знаете ли вы фамилию его хозяина?

- Токуяма-сан.
- Значит, Токуяма-сан, ага... А на момент обнаружения тела рядом правда не обнаружили лестницы?
- Лестница... а что?
- Лестница, которую использовали, чтобы подниматься на крышу дома. Я слышал, что с утра ее не было на месте.
- Да? В самом деле? Впервые слышу.
- Понятно... – Митарай выглядел немного разочарованным. – Итак, я узнал многое о семье Фудзинами. Извините, что отняли у вас так много времени. Мы сможем застать Юдзуру-сан, если спустимся к нему сейчас? – Мой друг, кажется, больше всего заинтересовался братом погибшего.
- Ох, не знаю... Он наверняка в больнице.
- Что за больница?
- Неподалеку есть клиника общего профиля Фудзидана. А вы не слышали?..
- Нет, а что с ним случилось? Он пострадал?
- Нет, не Юдзуру... а свекровь.
- Ваша свекровь, Ятиё-сан?
- Да.
- Что с ней?
- Вдавленный перелом черепа, она была буквально на грани смерти! Сейчас пришла в сознание; ее поместили в клинику Фудзидана. К сожалению, у нее паралич и нарушения речи...
- Но как это случилось? – Митарай смотрел на женщину очень внимательно.
- Я точно не знаю... Поговорите лучше с Юдзуру и другими членами семьи. Спросите у них напрямую. Не знаю, могу ли я говорить об этом...
- Неужели на нее совершили нападение? – резко спросил мой друг.
- Икуко Фудзинами прикрыла глаза и немного замялась:
- Да, именно так.

Вероятно, она не хотела говорить о случившемся, считая это позором для себя и своих близких. Однако не винила ли она кого-то из них в этом ужасном происшествии?

После этого, как ни старался Митарай, Икуко Фудзинами отказывалась говорить о нападении на свекровь. Митарай и я заметили, как тяжело ей было сохранить решимость. В какой-то момент я поймал взгляд вдовы Фудзинами, до этого смотревшей только вниз. словно мгновенно устав, она откинулась на спинку дивана.

– Я вас понял. Как я и думал, это непростое дело. Мы еще можем столкнуться с трудностями в будущем. Еще раз простите за беспокойство. Возможно, мы еще встретимся, но, если что-то изменится и вы захотите поговорить, то позвоните по этому номеру на визитке, хорошо? – Вставая, Митарай вынул из нагрудного кармана визитку и протянул ее женщине. – И последнее. Где вы были около десяти часов вечера 21 сентября?

– Здесь.

– Какое настроение было у господина Таку в тот вечер?

– Он вышел в восемь часов, не сказав, куда собирается.

– Такое часто случалось?

– Довольно часто.

– Может быть, ему кто-то звонил перед этим?

– Телефон действительно звонил, и муж поговорил с кем-то, но я не знаю, кто это был и какова была причина звонка, извините.

– Во сколько был звонок?

– Около семи часов.

– Понятно, – Митарай кивнул.

8

– Исиока-кун, я знаю, с кем ты хотел бы встретиться следом, но давай сначала наведаемся к господину Фудзинами, – насмешливо сказал Митарай, нажимая на кнопку третьего этажа. – Если мы его застанем, чувствую, разговор будет не из легких. Увлеченный исследованием смертной казни ловелас с множеством любовниц, приударивший за ученицей и лишившийся работы... Все равно что моряк, высаженный с корабля из-за морской болезни, или летчик с паническим страхом высоты, или писатель, не знающий ни одного иероглифа. Где же на самом деле правда?

Двери лифта открылись, и Митарай пошел по коридору, продолжая рассуждать.

– Хотя, если подумать, моряку, ненавидящему море, только и остается, что стать философом... О, это здесь!

– Извините... – начала было говорить Марико, но Митарай тотчас предупреждающе поднял правую руку.

– Мори-сан, я хотел бы, чтобы вы остались с нами ненадолго. Выдержите сегодняшней день? Попрошу вас снова выступить связующим звеном между мной и объектами нашего допроса. А я уж, как повар, доведу этот суп до готовности! – Митарай явно был в приподнятом настроении.

Он даванул кнопку дверного звонка, затем оперся о стену правой рукой и принял расслабленную позу.

Стояла тишина. Под кнопкой располагался небольшой динамик, однако он молчал. Митарай нажал на звонок еще раз.

И снова ничего. Мой друг по-дурацки выпучил глаза и бросил на меня взгляд.

Когда он в третий раз потянулся к кнопке, уже решив было, что дома никого нет, раздался щелчок замка.

Дверь с легким скрипом приоткрылась. На ней не было цепочки, но в очень узкий проем было видно только копну кудрявых волос,

растрепанных после сна. Ее положение было ниже, чем я ожидал, – значит, хозяин квартиры был невысокого роста, практически миниатюрным.

– Да? – слышался хриплый голос. Было неясно, мужчина это или женщина – голос был низким и очень тихим.

– Я ищу господина Юдзуру... – Митарай наклонился, протянув визитную карточку.

– Нет его.

– Он сейчас в клинике Фудзидана?

– Ага... Эй, детектив, что ли? Ты-то? – Тон голоса стал выше. Судя по всему, это была женщина.

– Все верно.

– О, в Японии, оказывается, тоже есть... Покажись-ка. Плохо вижу твое лицо. Забыла контактные линзы... – сказала женщина, уставившись на Митарай.

Это была очень заметная женщина. У нее было красивое лицо, но густо покрытое макияжем, со старомодными накладными ресницами. Возможно, я что-то неправильно понял, но ресницы почему-то были наклеены только на одном глазу.

Стоило ей пошевелиться и приблизиться ко мне, как я чувствовал сильный запах алкоголя. Похоже, недавно она выпила виски.

– Какой ты славный парень! – подойдя к Митарай так близко, что между их лицами оставалось не больше двадцати сантиметров, выдала она комплимент, достойный женщины легкого поведения. – Так значит, ты – детектив? Небось, бабник?

– Почему вы так решили?

– Да я сто раз в кино видела! И с женой клиента переспал, и со спасенной похищенной девушкой обжимается...

– Так делают только коррумпированные американские сыщики.

– А ты не такой?

– У нас разделение труда; такое вот по его части, – Митарай указал на меня.

– О, еще один? – Маленькие глаза с накладными ресницами впервые посмотрели на меня. – Ты вроде тоже ничего... Зайдешь выпить?

– Звучит отлично! – ответил Митараи и быстро вошел в квартиру, не дожидаясь остальных. Я хотел было остановить его, но упустил момент, поэтому последовал за ним.

В отличие от квартиры брата этажом выше жилье Юдзуру выглядело довольно простым. Сразу за входом начиналась кухня с тяжелым деревянным столом и приставленными к нему стульями – из всей мебели только этот гарнитур выглядел дорого. Остальная кухонная утварь совсем не казалась роскошной.

– Садитесь, вы...

Она выдвинула три тяжелых стула, затем открыла стеклянную дверь буфета, достала три стакана, загребла лед из холодильника. На столе уже стояла открытая бутылка виски «Уайт хорс». Кажется, женщина даже не заметила Марико, поэтому достала стаканы только для себя и нас с Митараи.

– Кампай ^[36]! – Она подняла стакан и, не дожидаясь остальных, отхлебнула. Похоже, эта особа любила шумные застолья. – Не знаю, кто вы такие, но выпьем! – На этот раз женщина опустошила стакан наполовину.

Визитная карточка Митараи упала на пол.

– Кстати, Тинацу-сан, расскажите нам немного о господине Юдзуру.

Женщина округлила глаза.

– Откуда ты знаешь мое имя?

– Вы своего рода знаменитость, – ответил Митараи.

Женщина обняла его за шею, продолжая держать стакан в правой руке.

– Я так рада-а-а...

– Тинацу-сан, Тинацу-сан, давайте лучше с ним.

– Не-а, ты мне больше нравишься! – ответила она.

– Исиока-кун, не сможешь мне? – обратился за помощью Митарай.

– Что я могу сделать?

– Как-то отвлеку ее на себя.

– Категорически отказываюсь! – ответил я.

– Тинацу-сан, нам не стоит расстраивать господина Юдзуру. Я пришел только поговорить! Расскажите мне о Юдзуру... – Митарай наконец выпутался из ее хватки.

– Да мне плевать на этого извращугу! – практически закричала женщина.

– Извращугу?

– Да, он извращенец! Вообще больной!

– Про меня тоже так говорили... Что вы имеете в виду?

– Да он помешан на смертной казни в Японии и мире. Ууу... Как жутко! Так он и меня убьет, наверное...

– Он что-то с вами сделал?

– Да щас! Я ни за что не разболтаю при этих двоих. Но... это... когда останемся наедине, я тебе, так и быть, скажу. – Рассмеявшись, Тинацу снова повисла на Митарай. Похоже, он действительно приглянулся женщине. Сам Митарай все это время сидел с напряженным лицом – это было выражение боли.

– Ему нравится причинять боль другим и убивать животных. Он как-то прямо у меня на глазах убил птичку!

– Птичку?

– Ага! Угадай как? Ооо, меня совсем развезло, хахаха... – Тинацу смеялась, срываясь на крик. Казалось, она тоже обезумела. Может, дело было в алкоголе.

– Вы знаете, что господин Таку умер?

– Таку-сан?... А, старший брат Юдзу, отвратительный говнюк!

– Ого, так он был плохим человеком? – совершенно равнодушно спросил Митарай, взглянув на Марико.

– Да, еще один извращуга! Вечно угрюмый, будто сам лучше всех... А на самом деле дальше своего носа не видел! И любил

только себя, вот серьезно! Нет уж, спасибо. Мне такого не надо!

– Вам такие не по вкусу?

– Мне по вкусу ты-ы-ы!

– А каким он был по характеру?

– Коварный, как змея! Вот какой.

– Ого...

– Да в этой семье все такие, все сумасшедшие! Такие все умные, презирают всех и каждого! Юдзуру еще на их фоне нормальный, добрый! Единственный добрый человек в их доме.

– Они вас обижали?

– Обижали, как же... просто относились как к мусору! Иди туда, сделай это, вот такие они люди.

– Вам, наверное, поэтому тяжело без алкоголя...

– Здесь все равно лучше, чем в клубе в Кавасаки; там вечно затаскивали в туалет и мацали за грудь! А тут особняк. Здесь всяко лучше!

– И Леона-сан тоже?

– Эта баба самая ненормальная! Действительно сумасшедшая! Гордая, эгоистка... никто, кроме себя, ее не заботит.

– А что супруга господина Таку?

– Та еще лицемерка! Выглядит прилично, но невозможно понять, о чем она на самом деле думает. Муж ее помер, поглядите-ка... Уж как она старалась от него избавиться, а сейчас сидит как ни в чем не бывало.

– У семьи Фудзинами приличное состояние. Что скажете о госпоже Ятиё Фудзинами?

– Не знаю. С переезда ни разу с ней не разговаривала. Что тут скажешь, она своим детям под стать!

– А господин Тэруо?

– Да вроде приличный... Нормальный мужик.

– Что скажете о его дочери – Миюки?

– Хорошая девчонка! Пока молодая, всего лишь ребенок. В том доме нормальные люди только она да ее отец. Без них все

развалилось бы.

– Вы не знаете причину, по которой Ятиё-сан вышла замуж за господина Тэруо?

– Не, не знаю. Просто женщине нужен мужчина, вот и всё.

– Что знаете о Джеймсе Пэйне – первом муже госпожи Ятиё?

– О, говорят, он был настоящим джентльменом! Моралист, одаренный учитель, ко всем был добр, жил скромно... Вроде бы он всегда выходил на прогулку в одно и то же время, – так вот, соседи, завидев его, все как один подводили стрелки часов.

– Есть такие люди. Все решают заранее, от времени приема пищи на неделю вперед до температуры воды в ванне. Они успевают позаботиться обо всем: и о расходах на собственные похороны, и о размере могилы. И всегда беспокоятся об окружающих.

Госпожа Тинацу снова рассмеялась. Казалось, она изголодалась по смеху и веселью.

– Ты так интересно рассказываешь, ох, смешно!.. Давненько я так много не смеялась. В хостесс-клубе^[37] в Кавасаки, где я работала, не было таких парней, как ты!

Это был сомнительный комплимент, но Митараи действительно был разговорчив.

– Мистер Пэйн был родом из Шотландии, кажется?

– Вроде да.

– Что вы слышали от них о Шотландии?

– Кажется, слышала о каком-то «Ивэрнэссе», но точно не скажу. Юдзуру об этом не особо рассказывал, вечно болтал об убийствах!

– Об убийствах людей? – переспросил Митараи. – Или о смертной казни?

– Конечно о ней. Но эти его рассказы об убийстве животных и гибели растений...

– Растений?

– Да, я плохо помню, но было что-то такое...

– Значит, мистер Пэйн развелся с госпожой Ятиё и вернулся в свой родной город, «Ивэрнэсс»?

– Нет, он из Шотландии, но, вернувшись из Японии, поселился в пригороде Лондона.

– А поточнее?

– Да не знаю я! Спросите Ятиё.

– А получится? Она же парализована, нет?

– Ах, да, верно...

– Кто, кроме госпожи Ятиё, хорошо знал о Пэйне?

– Да никто, наверное... Таку знал, но он умер.

– А как же Юдзуру?

– Да он мало чего знал.

– Когда родители развелись, Юдзуру, должно быть, было двадцать три года... должен знать хоть что-то. Кстати, Тинацу-сан, что думаете о нападении на госпожу Ятиё?

– Что думаю?..

– Что на самом деле случилось? Ее хотели убить? Это не те травмы, которые можно получить, просто оступившись.

– Эээ... ну да!

– Как она получила такую травму?

– Не знаю я! Не хочу, чтоб меня арестовали, если сболтну что-то не то.

– Но я не полицейский, не переживайте об этом. Когда она получила травмы?

– В ночь тайфуна, конечно.

– То есть в ту ночь, когда погиб господин Таку?

– Да.

– А где?

– Да прямо под камфорным деревом!

– Под лавром? В саду у дома?

– То огромное дерево с жуткими корнями! Она упала во время дождя, и ее нашел Тэруо. Говорят, найди он ее немного позже, она бы точно умерла.

– Но почему там?

– Да не знаю я! – возмутилась Тинацу, продолжая прихлебывать виски.

– В котором часу?

– Да вроде в районе десяти. Так детектив сказал.

– В десять? – Выражение лица Митараи стало серьезнее, глаза заблестели. – Это совпадает с предположительным временем смерти господина Таку... Значит, он в то время уже сидел на крыше и был мертв, верно?

– Но это... Тэруо и Миюки, как нашли Ятиё, сразу позвонили в клинику Фудзидана, и они вроде как смотрели на крышу...

– Смотрели? И?! – разгорячился Митараи.

– Не было там никого.

– Не было? Никого не было?! – В глазах Митараи заискрились молнии, и он в волнении поднялся с места. Подвинув стул, подошел к стене и уткнулся лбом в обои. – Значит, Таку забрался на крышу уже после...

Мой друг оторвался от стены и по своему обыкновению принялся ходить по комнате взад-вперед.

– Странная смерть Фудзинами Таку и травмы его матери не кажутся мне простым совпадением. В текущей версии Ятиё избивают до полусмерти, а чуть позднее Таку поднимается на крышу и умирает. И оба инцидента произошли рядом с камфорным лавром. Поэтому... эти два инцидента точно как-то связаны с гигантским деревом, – не прекращая, бормотал себе под нос Митараи. Вдруг он остановился и спросил Тинацу: – Какие отношения были между ними в последнее время?

– Ну, не знаю... Типа обычные.

– Хочу осмотреть камфорный лавр. С этим деревом что-то не так.

– Да, точно. Это дерево жуть какое страшное!

– Страшное дерево?

– Да, Юдзуру как-то говорил, что в нем живут злые духи, убивающие людей.

– Убивающие людей? Это как? – Митараи остановился и закусил губу.

– Ой, не знаю! Юдзуру говорил, у него и спрашивай. Но все местные об этом знают!

– А вы не знали?

– Ну, я ж недавно здесь. Знаю только, что это жуткое дерево!

– Хм... что еще случилось с госпожой Ятиё той ночью?

– Приехала «Скорая», увезла ее в клинику, там сделали операцию, и благодаря этому она выжила.

– Понятно. – Митараи встал, глядя в потолок. Затем он перевел взгляд на госпожу Тинацу и спросил: – Юдзуру был здесь, когда неизвестный напал на госпожу Ятиё и серьезно ранил ее?

– Полиция тоже об этом спрашивала.

– Ну так что?

– Я, наверное, должна была бы сказать, что он был здесь, со мной...

– Как его супруга...

– ...но я не его супруга, поэтому...

– Его не было, верно?

– Я все время была здесь, но в девять часов вечера он куда-то ушел. Наверное, в кабинет в доме матери.

– Понятно, – Митараи кивнул.

V. 1945 год. Темный холм Кураями

Раскаленный солнцем летний день, наполненный голосами цикад.

Япония, втянутая в разгоревшуюся за морем войну, все еще вела боевые действия, но на островах было довольно тихо – жизнь шла своим чередом.

Детям не было дела до войны. Вокруг холма Кураями было много полей, ставших для них игровой площадкой. Война принесла с собой бедность, отобравшую у детей замысловатые игрушки, но мальчишек это не беспокоило – они пока сохранили детский дар находить для себя увлекательные приключения в обыденности.

Особенно популярным местом для детских игр стали развалины бывшего стекольного завода.

Широкая площадка была окружена стеной из камня и темным забором из обожженного железа, в котором кое-где виднелись проломы. Матери настрого запрещали детям ходить туда, но разве могут железный забор или цепи на дверях стекольного завода сдержать напор скучающих мальчишек? К тому же прогнать их оттуда было совсем некому.

В здании фабрики стояла тишина. Пластины из оцинкованного железа, покрывавшие стены и потолок, насквозь проржавели и приобрели коричневый цвет.

Когда-то работавшее фабричное здание заполнилось спертым воздухом. Расставленные повсюду машины и станки, предназначение которых теперь невозможно было угадать, навсегда остановились и заржавели.

Вокруг станков всегда клубилась белая пыль, из-за которой лучи полуденного солнца, проникающие сквозь дыры в крыше, словно прочерчивали белые линии, пронизывающие пространство.

Когда Рёитиро и его брат Кодзи вошли в здание, они заметили на поддоне на бетонном полу сосуды с подкрашенной водой. Должно быть, чуть раньше здесь играли девочки постарше.

Рёитиро жил на склоне холма Кураями недалеко от завода и знал о нем все. Он много раз ходил сюда вместе со старшим товарищем, жившим по соседству и бравшим его на прогулки.

На территории было много интересного. Например, в конце участка находилось помещение с несколькими печами. Над одной из печей высилась огромная дымовая труба. Рёитиро мог легко поместиться в печь – в четыре года он был совсем небольшого роста.

В темной печи было тепло даже посреди зимы – можно было запросто улечься там спать и не замерзнуть. Возможно, всё потому, что в нее не задувал ветер; даже пол вокруг казался куда теплее, чем в других частях завода.

Длинная труба дымохода тянулась прямо над головой Рёитиро. Мальчик любил подолгу смотреть вверх – на кусочек голубого неба, круглого, подобно луне. Как странно! Если приглядеться, то даже в дневное время через трубу можно было разглядеть тусклые звезды.

Рёитиро сделал это открытие, в очередной раз придя сюда с соседским товарищем по играм, который, кажется, даже не подозревал об этом. С тех пор они часто вместе сидели в печи.

«Сперва ты пугаешься, оказавшись в темной тесной печи, но ко всему можно привыкнуть. Пока ты внутри, кажется, что это такая секретная игра, о которой никто не догадывается, и становится очень весело!»

Так Рёитиро рассказал об этой игре своему двоюродному брату Кодзи, который был старше его на три года. Тот сперва не поверил, что звезды можно увидеть в дневное время. Рёитиро почувствовал досаду и решил объяснить все брату получше.

«Белые облака медленно пересекают кружок голубого неба, похожий на полную луну, и, честное слово, я много раз видел маленькие звездочки, мерцающие между ними».

Но Кодзи ни за что не хотел верить младшему брату на слово, поэтому было принято решение пойти напрямик к печам.

Стояло лето 1945 года. Возможно, всему виной был запах какого-то реагента, использовавшегося на стекольном заводе, но, казалось, что голоса цикад затихли, а ветер прекратился, стоило мальчикам переступить порог развалин.

Это был самый разгар лета, и солнце сильно разогрело воздух. Несмотря на жару, благодаря ветру день был на удивление приятным. Однако к вечеру ветер утих, и вместо прохлады пришли летний зной и высокая влажность.

Стоявшие у печи мальчишки сильно вспотели. Пот сочился по их спортивным майкам, перепачканным грязью, стекая с голых худых рук и плеч.

Им не хотелось сегодня играть в узкой печи, ведь в ней наверняка было еще жарче. Какое-то время они стояли бок о бок, глядя на высокий дымоход и раздумывая, найдется ли для них занятие поинтереснее. На заводе и правда было полно любопытных вещей.

Отойдя от печи, мальчишки окинули помещение взглядом и заметили кое-что крайне интересное – это были обломки крыльев самолета.

Очевидно, что это был не игрушечный, а самый настоящий самолет! У него были большие крылья, на каждом из которых красовался красный солнечный круг^[38].

Но это была не «Фиолетовая молния»^[39] или истребитель типа «Зеро»^[40], которые они часто видели в детских книжках с картинками. Оказалось, что крылья были покрыты не металлом, выкрашенным зеленой или серебряной краской, а тканью красновато-коричневого цвета. Возможно, это был какой-то незнакомый им учебный самолет. Кто же мог бросить его здесь?

Найдя крылья, мальчишки решили, что где-то непременно должны быть фюзеляж и кабина. Вот бы найти кабину с лобовым стеклом и рычаг управления! Они были жутко взволнованы. Пусть на крыльях не было пулеметов, но уже просто сидеть в кабине самолета для любого мальчишки – невероятное счастье.

Они тщательно обыскали завод в поисках фюзеляжа или кабины и очень расстроились, ничего не обнаружив. Наверное, какой-то солдат просто принес крылья сюда и бросил их.

Тем временем солнце садилось, стало совсем темно и прохладно, поэтому мальчики решили еще раз сходить к печи с дымоходом, прежде чем возвращаться домой.

В темноте найти нужную им печь было сложно, поэтому Рёитиро сперва открыл первую дверь наугад.

Внезапно дверь справа от Рёитиро и Кодзи резко распахнулась, издав дребезжащий звук. Мальчики испугались так, что их сердца чуть было не остановились. Они отбежали от источника звука на несколько шагов, а повернувшись, увидели, что из открывшейся двери выскочила маленькая грязная фигурка с обритой наголо головой.

Рёитиро решил, что ребенок в потрепанной рваной одежде был примерно его возраста. Он был таким грязным, что на первый взгляд было неясно, мальчик это или девочка. Выпрыгнув из печи, он сразу бросился наутек.

Рёитиро и Кодзи непроизвольно бросились бежать вслед за удаляющейся тенью, прошмыгнувшей за их спины.

Трое детей бежали по развалинам стекольного завода, пропахшим ржавчиной, химикатами и гнилью.

В северной части участка располагалась небольшая роща, где сохранилось здание в европейском стиле – бывший дом директора стекольного завода. Когда-то дом был современным и чистым, но теперь опустел – в нем больше никто не жил.

Маленькая тень, преследуемая мальчиками, помчалась в сторону деревьев. Врезавшись в стену здания, обогнула его правый угол и метнулась к большому лавровому дереву, растущему на склоне холма.

Мальчики тут же остановились. Их напугал не размер дерева: Рёитиро часто рассматривал его вблизи, а Кодзи видел холм Кураями из окна своего дома. Их удивило то, что корпус самолета,

который они искали, оказался прислонен к толстому стволу дерева с раскидистыми ветвями. Ткань на фюзеляже была разорвана, оголив каркас, напомилавший останки динозавра, которые мальчики раньше видели на картинках.

Бритоголовая фигура, ни мгновения не колеблясь и не останавливаясь, вцепилась в каркас самолета. Затем принялась карабкаться вверх по нему, словно по лестнице, ловко переставляя ноги.

Мальчики не двигались с места, молча наблюдая за разворачивающейся на их глазах опасной ситуацией. Ребенок с бритой головой не произносил ни слова, не кричал и не плакал, поэтому было совершенно непонятно, зачем он карабкается ввысь.

Наконец фигура достигла приплюснутого носа самолета, прислоненного к стволу лавра. Перепрыгнув на верхушку дерева, она присела и замерла, пристально глядя на мальчишек.

В одно мгновение со всех сторон на них обрушились голоса цикад. Солнце село, и округу накрыло тьмой. Маленькая фигурка, присевшая на стволе лаврового дерева, казалось, окончательно слилась с ним, став неразличимой в темноте, совсем как маленькая кошка. Но мальчики продолжали неподвижно смотреть туда, где притаилась фигура.

– Ааа! – раздался вдруг громкий крик, и мальчики наконец поняли, что бритоголовая фигурка принадлежала девочке. Ее тельце дергалось в темноте, обе руки были высоко подняты. Что-то произошло, и теперь нижняя часть ее тела была как будто вдавлена в ствол.

– Помоги-и-и! – кричала девочка, пока ее тело медленно погружалось в дерево.

Мальчики осторожно приблизились, не отводя глаз от происходящего.

Руки девочки отчаянно дергались; она не переставая кричала.

Мальчишки бросились прочь. Они были так напуганы, что хотели поскорее сбежать оттуда.

От страха сорванцы едва не лишились сознания. Как бы долго они ни бежали, крики и плач девочки преследовали их. Борясь с желанием заплакать, мальчики проползли сквозь первую попавшуюся дыру в каменном заборе. Они изо всех сил бежали вниз по склону холма – в ужасе, что их нагонит и проглотит страшное чудище.

Рёитиро прибежал домой и, задыхаясь, первым делом осмотрел себя в тусклом свете электрической лампочки. Его руки и ноги были покрыты ужасными царапинами, наверняка полученными, когда он полз сквозь дыру в стене. Удивленный и растерянный, он смотрел на кровь, смешавшуюся с грязью и потом, – и только сейчас ощутил нестерпимую боль.

VI. 1984 год. Улетевший петух

Покинув многоквартирный дом Фудзинами Хэйм, Митарай направился напрямик в дом Фудзинами. У меня не было выбора, кроме как последовать за ним, поэтому я шел на небольшом отдалении, глядя на Мариико Мори.

Очевидно, что у Митарай голова шла кругом. Ни слова не говоря, он прошел мимо трубы дымохода, обогнул здание бани и пошел к трехэтажному дому Фудзинами. Миновав живую изгородь, подошел к черным металлическим воротам с украшением в виде львиной морды и положил на них обе руки. Слегка подергал ворота, но они не поддались. Посмотрев внимательнее, он обнаружил защелку, поверх которой был прилажен добротный висячий замок.

К стойке ворот был прикреплен довольно старый, успевший проржаветь домофон. Митарай нажал на кнопку, но ответа не последовало.

– Неужели сломан? – разочарованно произнес он.

Честно говоря, из-за мрачных гранитных столбов у входа и ржавых металлических ворот с местами потрескавшейся и отвалившейся черной краской, здание в европейском стиле, увитое виноградной лозой, больше походило на заброшенный дом. С каждым порывом ветра виноградные листья, почти полностью покрывавшие стены, принимались дрожать и шелестеть, будто перешептываясь. Даже стоя за воротами здания, я ощущал отдаленный аромат старины, заполнивший дом.

Отчасти из-за темных тонов интерьера, видневшегося через стеклянное окно во входной двери, казалось, что в доме катастрофически не хватало солнечного света. Говорили, что дом построили еще до войны. Выкрашенная в белый цвет дверная рама с толстым стеклом выглядела обветшалой. Были ли довоенными гранитные столбы и металлические ворота? Подобные элементы часто встречались в западных домах, но в японских обычно не

использовались. Я, как и Митараи, сперва не был уверен в том, что домофон на воротах исправно работает. Сложно было представить, что в этом доме до сих пор кто-то живет.

Митараи снова потряс ворота. Полушутя предложил просто перемахнуть через них, и я занервничал. Ворота действительно доходили нам максимум до груди, и при желании перелезть через них не составило бы труда.

– Черт, а лавр отсюда не видно, – сказал Митараи с сожалением, и я наконец понял, что придумал мой друг. Он хотел увидеть вблизи камфорный лавр, растущий на территории у дома.

– Хочешь оттуда посмотреть на дерево? – спросил я. За крышей здания виднелись только густые ветви огромного лавра.

– А ты разве нет, Исиока-кун? – переспросил Митараи, глядя в сторону дома. – Этот лавр – дерево-убийца! Я встречал множество людей-убийц и даже животных, но растение – впервые! Определенно хочу его увидеть.

– Мы должны выяснить, связано ли это дерево с покушением на Ятиё Фудзинами и убийством ее сына Таку.

Митараи посмотрел на меня в упор:

– Исиока-кун, говорю тебе: они связаны, точно связаны!

Он снова нажал на кнопку домофона, затем, сложив ладони рупором, трижды прокричал: «Извините!»

– Бесплезно. Похоже, никого нет. Госпожа Ятиё в больнице, ее муж Тэруо рядом с ней, а его дочь Миюки в школе. Не хочу, чтобы меня арестовали за проникновение на частную территорию перед таким интересным расследованием. Давайте отложим прыжки через забор. Сперва опросим соседей или наведемся в больницу, – предложил Митараи и неохотно отошел от ворот.

* * *

Спускаясь по темному склону к клинике Фудзидана, я ощутил легкий голод и сообщил об этом Митарай. Тот слегка раздраженным тоном спросил у Марико:

– Мори-сан, а вы голодны?

Женщина ответила не раздумывая:

– Нет.

– Не хотите есть?

– Не думаю, что вообще сейчас смогу что-то съесть...

Митарай бросил на меня презрительный взгляд, а я смиренно поднял правую руку в знак согласия. Мой друг был из тех людей, что напрочь забывали о еде, когда что-то занимало их ум. Я прекрасно знал об этом, но все равно решил попытать удачу.

С левой стороны у подножия холма стоял магазин игрушек со старой жестяной вывеской, на которой черной краской на белом фоне было написано название: «Львиный чертог». Старомодная стеклянная дверь с деревянной рамой была открыта настежь, перед входом громоздились коробки и витрины с игрушками, словно владелец вел торговлю прямо на улице. Кроме этого магазина, у склона Темного холма не было других заведений.

Похоже, что это и был магазин человека, первым обнаружившего мертвеца на крыше. Действительно, пройдя чуть влево от входа в магазин и поднявшись по склону, я разглядел и потемневшую от времени каменную стену, укрытую виноградными листьями, и раскинувший темно-зеленые ветви камфорный лавр, и виднеющийся за ними кусок черепичной крыши дома Фудзинами. Каково же, наверное, было удивление владельца магазина, когда он заметил неподвижно сидящего на крыше человека!

– Выходит, это и есть тот самый Токуяма из «Львиного чертога»... Давайте зайдем ненадолго и расспросим его, – пробормотал Митарай, словно ни к кому конкретно не обращаясь, и зашел в тускло освещенный магазин игрушек.

Я сперва хотел присоединиться, но, уже устав от общения с двумя женщинами, решил все же остаться снаружи вместе с Марико. Та,

застыв, как статуя, молча стояла на склоне холма и не сводила глаз с камфорного лавра и дома Фудзинами. Она выглядела опечаленной. На крыше дома ничего не было, но она, вероятно, представляла себе восседавшего на ней мужчину, которого когда-то любила.

В обычных обстоятельствах я, не имея опыта расследования подобных таинственных происшествий, не смог бы достроить этот образ. Да и Марико наверняка тоже. Как ни странно, сейчас, увидев старый дом семьи Фудзинами, построенный еще до войны, и гигантский камфорный лавр, возраст которого насчитывал сотни лет, я смог с легкостью представить себе мужчину в зеленом свитере, оседлавшего крышу. Все дело было в особой атмосфере Темного холма Кураями и ореоле, окружавшем семью Фудзинами, способствовавших работе воображения.

Митарай вышел из темного помещения магазина в сопровождении невысокого, но крепкого мужчины средних лет. Должно быть, это был господин Токуяма. Мужчина покачивал выставленной вперед правой рукой, указывая в направлении дома Фудзинами, и не сразу заметил нас с Марико, стоящих выше по склону. Спустившись, мы познакомились и поприветствовали друг друга.

– Это – Исиока-кун и Мори-сан. Это Токуяма-сан – именно он первым обнаружил тело. Подскажите, никто до вас не обращал внимания на господина Фудзинами, сидящего на крыше?

– Нет, никто. Это я его заметил, а потом уж все собрались и начался шум-гам...

– Вы удивились?

– Не то слово! Я сперва было решил, что ошибся. Однако, чем выше я поднимался по склону, тем больше он походил на человека, но почему-то совсем не двигался. Тогда-то я заподозрил неладное, мне стало совсем жутко – вот и решил узнать, зачем он залез на крышу.

– Это было вчерашним утром, верно?

– Ага, а после грозы это было еще более странно. На дороге полно опавших листьев, сломанных веток, газет и бумажных пакетов, откуда-то ветром принесло вывеску... И вот в такое прекрасное утро... аж мурашки по коже!

– А какое было выражение лица? У мертвеца на крыше...

– Ох, жуткое зрелище! Я поднялся на самый верх холма, обошел забор вокруг дома и...

– Так как он выглядел?

– Лицо бледное, ничего не выражающее. Как маска театра Но [\[41\]](#), с пустыми глазами!

– А гримаса боли? Или, может, какие-то повреждения на лице?

– Что?

– Не был ли он поцарапан, например?

– Нет, на первый взгляд он был в полном порядке.

– А где была лестница?

– Лестница?

– Лестница, по которой господин Фудзинами поднялся на крышу. Она висела на стене дома Фудзинами? – спросил Митараи.

– Нет, я же, когда его нашел, сперва обошел дом по кругу, и лестницы нигде не было!

– Нигде не было, – спокойно отреагировал Митараи. С момента прочтения статьи мой друг, казалось, был очень обеспокоен этой нестыковкой, поэтому я ожидал, что он будет реагировать более бурно.

– Да, не припомню, но я специально и не искал. К тому же с восточной стороны и со склона сам дом не видно из-за изгороди. Разве что со стороны бани Фудзидана-ю... В общем, заднюю часть дома отсюда не увидеть.

– То есть лестница могла находиться в месте, не видимом с дороги?

– Точно так.

– Но на крышу этого дома без лестницы попасть не так уж просто. В японских домах в случае необходимости на крышу можно без проблем выбраться через окно на чердаке.

– И то правда, – Токуяма кивнул.

Митараи реагировал на удивление сдержанно. Казалось, что пропажа лестницы перестала его волновать.

– По округе ходит много страшных слухов, – продолжил он.

Токуяма снова кивнул.

– Верно. Про дом этот и дерево давно говорили разное, а местные старожилы еще и на своей шкуре всё испытали.

– Что говорили?

– Нууу...

– Так что?

– Это... не хочу говорить всякое о чужом доме. Найти бы вам лучше какого местного старика, который знает больше моего...

– Уверяю, я никому не передам информацию, которой вы поделитесь, – немедленно заверил его Митараи.

На худом лице господина Токуямы промелькнула горькая усмешка, быстро исчезнувшая, будто он испугался своей собственной реакции.

– Ну, местные все об этом знают... – тихо сказал владелец магазина игрушек у Темного холма Кураями и сухо засмеялся странным дребезжащим смехом. – Нам с самого детства твердили, что земля за каменной стеной на холме – страшное место. Особенно этот лавр, это проклятое дерево! Я много раз в детстве слышал, что лучше обходить его стороной.

– Ого...

Я заметил, что мышцы на лице мужчины слегка дрожали, как при спазме. Наконец я понял, что его смех звучал так странно от охватившего его ужаса.

– Есть одно предание... по большей части выдумка, не иначе. С такими историями никогда не знаешь, откуда пошла людская молва, – все концы давно в воду канули! В общем, я слышал, что лавр вырос таким огромным потому, что питался кровью казненных возле него преступников. Мол, один толстый корень тянулся до самого дна ямы, куда сбрасывали тела. Так вот, ходили слухи, что

однажды отрубленная голова какого-то разбойника – раз, да и взлетела вверх, и застряла посреди ветвей дерева. Как ее ни пытались оттуда снять, всё без толку – оставили, пока сама не отсохла. В детстве я так боялся, что вообще не ходил на этот склон холма, а если вдруг надо было пройти под ветвями этого одержимого злыми духами дерева, переходил на другую сторону дороги и огибал его по левую сторону. Сейчас-то я уже старик и не верю в такое, а если бы и верил, то точно не смог бы жить рядом с таким местом!

– Разумно, – охотно согласился Митараи.

– Но ведь точно, помню, был один странный случай! Я тогда только родился, сам не помню, но, говорят, в ветвях нашли труп повешенной девочки лет пяти-шести...

– Повешенной? Каким образом?

– Ну, подробностей я не знаю. Своими глазами не видел, только слышал от людей. Местные все это помнят. Это было большое событие! Все газеты о нем трубили, в новостях крутили по телевизору; кажется, даже экстрасенсы приехали, всякие исследователи природы, животных и растений... Такой шум тут подняли! Сейчас бы преподнесли как историю о призраках, как его... паранормальное явление, вот.

– А причину смерти ребенка установили?

– Точно не знаю, но, кажется, по всему телу были ужасные раны и отверстия...

– Отверстия? Как от укусов?

– Точно. Как следы от зубов или клыков. Только вот у дерева-то зубов не бывает...

– Хотите сказать, это сделало дерево?

– А кто вообще на такое решится? Совсем маленький ребенок, пяти-шести лет. Для грабителя слишком мал, нападать на него незачем, да и мстить ему не за что...

– Хм...

– Да и убийство было слишком... грязным. Шея растерзана так, что голова вот-вот оторвалась бы, да прилипла к туловищу. Лицо изуродовано, все тело покрыто кровью...

Марико тихо застонала, отвернулась и отошла от нас на несколько шагов. Слегка наклонившись, она выглядела так, будто отчаянно боролась с тошнотой. Я думал было подойти и помочь ей, но жуткая история господина Токуямы так увлекла меня, что желание остаться и дослушать победило.

– Вся ее одежда была изорвана, сквозь дыры торчали потемневшие куски красного мяса. Было видно, что она мертва уже пару дней, ведь ее пальчики и внутренние органы кое-где как будто оплавилась.

– Оплавилась?

– Да.

– Почему так произошло?

– Потому что дерево уже успело их переварить.

– Дерево успело переварить?.. Иными словами, этот лавр пытался съесть девочку?

– Да, всё так. Но ему не удалось – ведь ее нашли раньше.

– Дерево, пожирающее людей? Это, должно быть, шутка?

– Ну, да, если рассудить здраво, то похоже на шутку, но ведь преступника так и не нашли... поэтому все хоть раз слышали эту историю.

Митарай скрестил руки на груди и вызывающе скривил губы.

– И как тогда лавр ест людей? Рта же у него нет, так ведь?

– Ну так ведь ствол дерева сверху немного приплюснут, и в том месте открывается пасть! – категорично заявил Токуяма, будто видел все своими глазами.

– И это его рот? – шутливым тоном переспросил Митарай. Должно быть, ему на ум пришла какая-то идея. Он понял, что сидевший на крыше дома Фудзинами господин Таку как раз мог видеть пасть камфорного лавра перед смертью!

– Всё так! А вокруг этого рта – похожий на зубы зигзаг, и на нем было много крови!

Мой друг бросил на меня недоверчивый взгляд. Мужчина продолжил:

– У этого дерева несколько таких отверстий в стволе.

– И сколько же?

– Ну, не так много, но два точно есть. Помню, как в детстве дети заглядывали туда. Но они так высоко, что нужно сперва забраться повыше... жуть как страшно! Прикладываешь ухо к дыре – и слышишь стоны душ, съеденных деревом! Я боялся, но уже в старших классах... послушал, а потом заглянул внутрь...

– И что произошло? – спросил Митарай.

– Ох, давно это было, никто уж и не поверит...

– И все же?

– Я правда их слышал! Крики множества людей, словно застрявших внутри дерева! Прямо там, в его омерзительных внутренностях...

Я и Митарай молчали.

– Мне часто это снилось. Что же это было такое?.. Но нет, ни за что повторять не буду, хоть и жутко интересно, что же это все-таки было... – не глядя на нас, продолжил господин Токуяма, скривив губы.

– Действительно, это очень необычный камфорный лавр. Редкое дерево! – сказал Митарай.

– Об этом лавре есть еще одна легенда. Говорят, это переродившийся великан.

– Великан?

– Да. Говорят, что давным-давно на эти земли пришел один из древних монстров и поселился на холме под этим деревом.

– Поэтому оно и ест людей?

– Да, поэтому и ест.

– Но как дерево может *повесить* человеческого ребенка?

– Да вот так, между ветками...

- То есть ветки – как бесчисленные руки? Или щупальца...
 - Да. Венерины мухоловки ведь едят мух – ловят их, поливают пищеварительными соками, растворяют и едят...
 - Одно дело – мухи да сороконожки, и совсем другое – человеческий ребенок.
 - Так ведь если есть мухоловка для насекомых, то и ребенка можно точно так же поймать и съесть...
 - Кхм... То есть тело девочки застряло между ветками?
 - Как я слышал, некоторые ветки были мягкие, как лианы, обвившие тело ребенка и поднявшие его высоко-высоко...
 - Хм...
- Рассказ владельца магазина игрушек действительно удивил Митарай. Он отвернулся, скрестив руки и задумавшись.
- Кто первым обнаружил девочку?
 - Местные хозяйшки, вышедшие за покупками.
 - ...вышедшие за покупками. Действительно? – Митарай внимательно изучал худое лицо господина Токуямы. – Разве это не местный фольклор?
 - Нет, все это знают! В детстве я много раз слышал эту историю.
 - В каком году это произошло?
 - В сорок первом году, в год моего рождения.
 - В сорок первом открылся Тихоокеанский фронт^[42].
 - Да, как раз перед Пёрл-Харбором^[43] в декабре того же года. Кажется, все случилось осенью. А я родился летом, за месяц-два до этого.
 - Осень сорок первого года... В то время на холме ни бани, ни стоянки не было...
 - Да, именно. И школы Пэйна еще не было, ее построили уже после войны. Значит, тогда здесь был стекольный завод.
 - Остались ли на холме постройки того времени?
 - Только камфорный лавр да старый дом Фудзинами. Остальное перестроили.

– Что ж, это весьма странная история. Но с тех пор дерево больше никого не ело?

– Насколько я знаю, последний случай был до войны. Но, может, и еще что происходило...

– Хм...

– Ну, есть еще множество жутких историй. Говорят, под самый конец войны группа уцелевших японских офицеров скрылась в здании стекольного завода и совершила массовое самоубийство. Поэтому этот завод и был долгое время заброшен – говорили, что там бродили призраки солдат, даже фотографии остались! Местные взрослые и дети были жутко напуганы и обходили его стороной. Так вот, купили землю под школу для своих детей иностранцы. Ни один японец не решился бы строить на той земле! А уж тем более – водить туда своих детей в школу...

– Так вот почему вы не сильно удивились, обнаружив тело человека на крыше дома Фудзинами?

– Нет, я, конечно, удивился, просто не был уверен до конца! Чтобы в таком месте, и мертвец...

– Вы делали уборку после прошедшего тайфуна и случайно обнаружили его, выйдя на дорогу?

– Нет, это всё из-за сна. Мне накануне приснился странный сон...

– Сон?

– Да.

– О чем он был?

– С тех самых пор как в дом после войны въехал директор школы Пэйн, на крыше всегда был бронзовый механический петух.

– Петух?

– Да. Этот петух в школьные дни, ровно в полдень, принимался махать крыльями. Лет десять назад он сломался, но, даже когда школы не стало, все равно оставался на крыше, неподвижный.

– Ага.

– Мне с детства нравились подобные механизмы, поэтому я любил на него смотреть. Вот и в последнее время, как появлялся

повод, я смотрел на крышу, чтобы проверить, на месте ли он.

– Вот как?..

Слушая, я невзначай взглянул на крышу дома Фудзинами, но сейчас там ничего не было.

– В ту ненастную ночь мне приснился петух, хлопающий крыльями высоко в ночном небе.

– Надо же...

– Сон казался таким реальным, что я сперва решил, что он был вещим... Подметал перед магазином и, вдруг вспомнив, вот так же бросил взгляд на крышу дома Фудзинами... – Господин Токуяма показал жестом. – И вот, значит, петух пропал, а вместо него – зеленый человек! Я не поверил своим глазам, вот и пошел по склону с этой стороны... – Мужчина сделал несколько шагов вверх по склону и оглянулся.

Митараи кивнул, рассеянно глядя в небо. Не поймав его взгляд, Токуяма повернулся ко мне. Окончательно запутавшись, я также кивнул владельцу магазина игрушек.

VII. 1958 год. Темный холм Кураями

Минуло тринадцать лет с того инцидента, что произошел на Темном холме Кураями одной летней ночью во время войны.

К 1958 году территория вокруг холма изменилась до неузнаваемости. Бедные районы стали опрятнее, а на торговых улочках закипела жизнь. Исчезли бродяги и осиротевшие дети, а дома снова наполнились оживленными разговорами и смехом.

Однако больше всего изменилась площадка, на которой когда-то находились развалины стекольного завода. Ржавые красно-коричневые руины, больше походившие на свалку или дом, населенный привидениями, были снесены, а на их месте возвели школу, выкрашенную свежей белой краской.

Начальная школа предназначалась не для японских ребятишек, а для детей американцев и англичан. Само здание школы, спортзал и ворота были новыми и чистыми. Не только ученики, но и учителя были иностранцами, поэтому казалось, что в Йокогаму перенесли кусочек другой страны.

Здание в европейском стиле, изначально служившее домом директора стекольного завода, полностью отремонтировали, обновили, установили большие светлые окна. Снаружи по стенам вилась виноградная лоза.

На крышу установили красивую фигурку петуха. На первый взгляд подобное украшение могло показаться странным, но петух в действительности был сложным механизмом. Каждый день в полдень он начинал размахивать крыльями и шевелить перьями. Постепенно механический петух на крыше приобрел известность в округе, став местной достопримечательностью.

Как только он просыпался в полдень, чтобы помахать крыльями, начинала играть необычная мелодия, похожая на звук музыкальной шкатулки, однако довольно быстро что-то в механизме сломалось, и музыка перестала играть.

Бывший дом директора завода теперь принадлежал мистеру Джеймсу Пэйну, директору иностранной школы. Вокруг дома многое поменялось, вместо сорняков на облагороженных клумбах теперь росли цветы. После уборки перед домом выкопали небольшой пруд. Кажется, даже деревья, раньше росшие беспорядочно, пересадили, поставив между ними каменные статуи. Территорию вокруг дома превратили в прекрасный сад.

Но одна деталь не изменилась – это огромное дерево позади здания в европейском стиле. Кажется, ужасный лавр рос на склоне холма Кураями со времен эпохи Эдо, когда рядом еще располагалась тюрьма.

Рёитиро вырос, перешел во второй класс старшей школы. Он не мог забыть о дереве, растущем на склоне холма Кураями, а значит, не мог забыть и о загадочном происшествии лета 1945 года. Что же на самом деле произошло в ту летнюю ночь, когда ему было четыре года? Со временем воспоминания детства становятся все более ненадежными...

Но впечатление тем временем оставалось чрезвычайно сильным. Он забыл о других событиях детства, однако то происшествие забыть не мог. Казалось, случившееся, покинув его воспоминания, постоянно стояло у него перед глазами.

Это загадочное событие можно было легко принять за страшный сон. Вряд ли что-то подобное могло произойти в действительности. Может, это была галлюцинация?

Для Кодзи, ставшего студентом колледжа, все сложилось так же. Из-за работы отца они не виделись больше десяти лет, но когда наконец встретились, то сразу заговорили о случившемся в их детстве.

На летних каникулах 1958 года Кодзи решил навестить Рёитиро.

– Значит, и ты об этом помнишь? Выходит, все было взаправду... – сказал он. Пережитое постепенно превратилось для него в фантом.

Затем молодые люди поделились друг с другом воспоминаниями о том летнем дне. Несмотря на небольшие расхождения, они помнили

об одном и том же случае.

– И завода больше нет, – сказал Кодзи.

– Я недавно шел по склону – удивительно, но вместо развалин там теперь школа.

– Верно, школа Пэйна.

– Теперь там красиво, но лавр по-прежнему на месте.

– Да, только это дерево и не изменилось.

Они проговорили до поздней ночи, когда Кодзи вдруг предложил сходить к дереву. Он заявил:

– Я больше не хочу гадать, что случилось с той девочкой тринадцать лет назад. Почему она так кричала?

– Да... – поддержал Рёитиро.

– В темноте мы вряд ли что-то разглядим. Но я точно не успокоюсь, пока не увижу его снова.

– Да, но...

– Жаль, что на дворе ночь.

– Японцев не пускают на территорию школы днем, так что нам придется пробраться туда тайком.

Рёитиро сопротивлялся. Прежде он не раз думал об этом, но был слишком напуган. Сегодня же он был не один, и мысль об этом помогла ему наконец принять решение.

Прихватив карманные фонарики из магазина родителей Рёитиро, они тихо прокрались по склону холма Кураями и перелезли через проволочный забор школы. Рёитиро знал, что школьная охрана всегда делает ночной обход территории около полуночи.

В тени выстроившихся на школьном дворе деревьев крались два молодых человека. В окнах дома директора все еще горел свет, поэтому они старались не слишком к нему приближаться.

Подойдя к лавровому дереву, Рёитиро почувствовал, как ноги перестали его слушаться. Он уже давно не стоял так близко к дереву, теперь казавшемуся ему еще больше и гротескнее.

Они молча стояли в темноте подле камфорного лавра, стараясь не споткнуться о торчащие из земли жуткие корни. Повсюду раздавался

стрекот насекомых. Лавр походил на безмолвного великана, подпирающего небеса. Из-за огромной кроны, закрывающей небо, ствол казался еще темнее. На небе не было ни звездочки. Каждое дуновение ветра поднимало ветви, заставляя листья зловеще шелестеть.

Кодзи осветил ствол фонариком: маленький кружок желтого цвета затрепетал на черной шероховатой кроне. Конечно же, никаких следов обломков самолета, прислоненных к дереву тринадцать лет назад, не осталось.

Кружок света остановился на одном месте, где в стволе было небольшое дупло. Кодзи явно волновался.

– Может, заберешься туда и посмотришь? – прошептал он над самым ухом Рёитиро.

Его голос заметно дрожал. Рёитиро не мог вымолвить ни слова, парализованный страхом, поэтому не ответил.

– Оттуда наверняка можно увидеть, что внутри ствола. Так что... – сказал Кодзи и сглотнул слюну. – Если дерево действительно съело ту девочку, в нем до сих пор могут быть доказательства. Надо только заглянуть внутрь...

Рёитиро вдруг понял, что его волосы стоят дыбом. Не только на голове – каждый волосок на теле встал торчком.

– Прекрати. Пойдем лучше домой! – убеждал он, но Кодзи его уже не слышал.

– Мы не сможем снова сюда прийти. Давай все же заглянем туда сегодня. Не переживай, ничего страшного не случится! Давай сделаем это! – продолжил Кодзи дрожащим голосом. Он все никак не мог успокоиться.

Рёитиро был так напуган, что, казалось, вот-вот заплачет. Но все же кивнул. Он хотел знать правду, несмотря на сковавший его страх.

Положив фонарик в карман, Рёитиро принялся карабкаться по стволу, изо всех сил стараясь не шуметь.

Запах влажной древесной коры смешался с запахом гнилых листьев. Стоило задуматься об источнике этого запаха, как грудь

сдавливало от страха и неприятного предчувствия.

Они с трудом добрались до отверстия в стволе. Кодзи приложил к дуплу левое ухо. Рёитиро наблюдал за ним.

Выражение лица Кодзи внезапно изменилось. Рёитиро был готов поклясться, что даже в кромешной тьме разглядел, как тот побледнел от ужаса.

– Послушай... – дрожащим голосом наконец позвал Кодзи. От страха и неожиданности его рот приоткрылся.

Испуганный Рёитиро приблизил к дереву правое ухо, как вдруг...

– Ооо! – послышался крик где-то вдалеке.

На него накатила волна ревущих голосов, смешавшихся с низким животным рыком.

– Что... – одними губами прошептал Кодзи.

Затем он выхватил фонарик, включил его и направил луч света в полость ствола.

Ожидая увидеть страшное зрелище, оба они разом заглянули внутрь. Их сердца бешено колотились, а руки задрожали.

– А-аа! – закричал кто-то из них.

Они увидели влажную склизкую внутреннюю часть ствола, жуткую, будто наполненную внутренними органами.

Им показалось, что внизу виднеется потемневший от времени человеческий скелет.

В страхе Кодзи инстинктивно выключил фонарик. Их поглотила тьма. Оглушающий шелест листьев, казалось, окружал их со всех сторон, грозя нападением.

На дрожащих ногах они соскользнули со ствола дерева. Колени отказывались гнуться, и Рёитиро приземлился на пятую точку.

Остальное он помнил плохо. Они быстро пересекли школьный двор и перемахнули через забор. Нужно было как можно скорее сбежать от этого жуткого дерева, как можно дальше...

В памяти ожило все случившееся тринадцать лет назад. Все оказалось правдой! Все воспоминания были правдивыми! Девочка

все это время оставалась внутри дерева! Оно съело ее. Ее съело дерево!

Рёитиро бежал, снова и снова прокручивая эти мысли в голове.

Вернувшись домой, он расстелил futon и лег спать рядом с Кодзи, чтобы больше никогда не заговорить о случившемся. Казалось, стоит им снова вспомнить об этом, как злобный дух дерева найдет их!

* * *

Следующим летом Кодзи трагически погиб в автокатастрофе, катаясь на мотоцикле.

Услышав об этом, Рёитиро решил, что брата настигло проклятие дерева, пожирающего людей. Все случилось именно из-за того, что Кодзи предложил вскарабкаться наверх и заглянуть в отверстие в стволе!

Он принял решение никогда больше не думать об ужасном лавре, не говорить о нем и постараться забыть случившееся. Пусть несчастная девочка, съеденная деревом и по сей день покоящаяся в его чреве, останется тайной, известной лишь одному Рёитиро. И он решил хранить эту тайну до самой своей смерти.

VIII. 1984 год. Дерево-людоед

1

Клиника Фудзидана находилась у самого подножия холма. Нам пришлось спуститься к главной дороге, повернуть налево, пройти насквозь по торговой улице Фудзидана и, повернув направо, снова подняться к холму.

Старомодное здание, похожее на дом Фудзинами в европейском стиле, с четырех сторон было окружено потемневшей от дождя и ветра бетонной стеной, по низу которой уже начал карабкаться синеватый мох.

В регистратуре Митараи спросил номер палаты госпожи Ятиё Фудзинами. Нам ответили, что она находится в палате 212. Часы посещения заканчивались в восемь вечера, и у нас оставалось предостаточно времени для позднего обеда в ресторане морепродуктов, который я заметил по дороге в больницу. На маленьком циферблате над окошком регистратуры было четыре часа.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

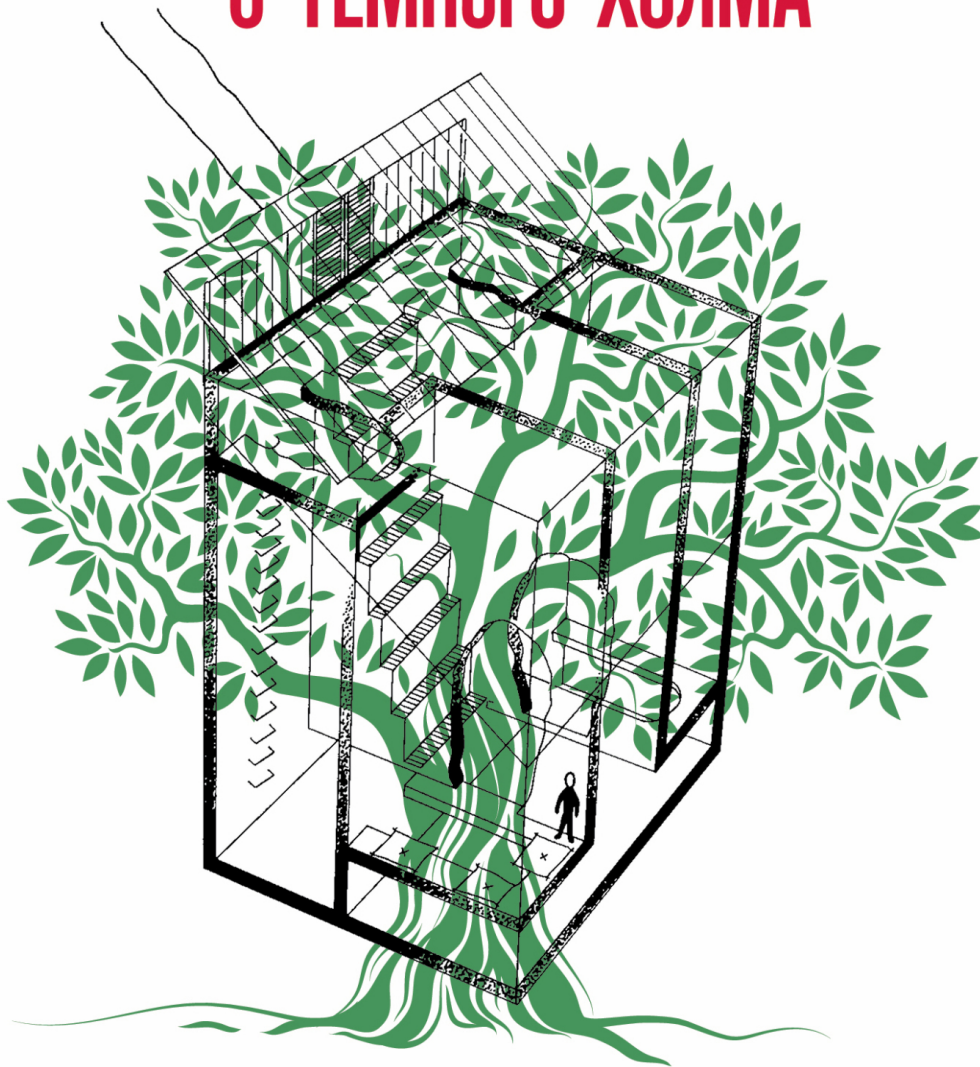
Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.

本
格

**СОДЗИ
СИМАДА**

**ДЕРЕВО-ЛЮДОЕД
С ТЕМНОГО ХОЛМА**

Примечания

1

Речь идет о так называемом гироскопическом эффекте, который заключается в изменении веса вращающихся гироскопов (волчок, по сути, является простейшим гироскопом), причем в зависимости от направления вращения гироскопа происходит либо уменьшение, либо увеличение его веса. Это явление было открыто в 1958 г. физиком Н. Козыревым и впоследствии подтверждено другими исследователями.

[Вернуться](#)

2

Пяденицы, или *землемеры* (Geometridae, лат.), – обширное семейство бабочек. Больше, чем бабочки, характерны гусеницы: они тонкие, длинные, с неразвитыми передними парами брюшных (ложных) ног, так что ложные ноги обыкновенно имеются всего в числе двух пар – на 7-м и 9-м кольце брюшка. Благодаря этому гусеницы ползают весьма своеобразно: укрепившись грудными ногами, гусеница изгибает среднюю (безногую) часть тела петлеобразно вверх и придвигает брюшные ноги к грудным; затем, укрепившись ложными ногами, вытягивает тело вперед, снова укрепляется грудными ногами и т. д. Таким образом ползущая гусеница как бы измеряет проходимое ею пространство пядью или землемерной цепью.

[Вернуться](#)

3

В оригинале японская пословица, буквально «нет учителя красноречивее опыта».

[Вернуться](#)

4

Сэнсэй – буквально «учитель» – вежливое обращение к представителям некоторых, преимущественно интеллектуальных, профессий – учителям, врачам, писателям и т. д.

[Вернуться](#)

5

Первый роман (1981) С. Симады в цикле о сыщике Киёси Митараи.

[Вернуться](#)

6

Второй роман (1982) С. Симады в цикле о сыщике Киёси Митараи.

[Вернуться](#)

7

Синагава – один из 23 специальных районов Токио. Здесь находятся девять посольств иностранных государств, множество штаб-квартир японских и иностранных компаний. Многоэтажная застройка, крупный железнодорожный вокзал, отели и множество достопримечательностей привлекают местных жителей и туристов.

[Вернуться](#)

8

В оригинале японская пословица, буквально «вырезать глаза живой лошади», – речь идет о человеке, умудренном жизненным опытом, пусть и не очень приятным.

[Вернуться](#)

9

Имеется в виду военная песня 1905 г. «Товарищи» (Сэн'ю, *яп.*), написанная Хисэном Масимой и Кадзуоки Мийоси. В песне поется о чувствах солдата, потерявшего товарища в боях во время Русско-японской войны в Маньчжурии. После 1931 г. песня повторно обрела популярность как напоминание о необходимости защищать свои отвоеванные позиции на территории материкового Китая.

[Вернуться](#)

10

Ракуго – японский литературный и театральный жанр, созданный в XVI–XVII вв. Под этим названием обычно известны юмористические миниатюры, исполняемые профессиональными рассказчиками на эстраде. Напоминает современный жанр стендап-комедии.

[Вернуться](#)

11

Дзюнко-тян – примерный аналог уменьшительно-ласкательных суффиксов в русском языке. Указывает на близость и неофициальность отношений. Используется людьми равного социального положения или возраста, старшими по отношению к младшим, к детям.

[Вернуться](#)

12

Футон – традиционная японская постельная принадлежность в виде толстого хлопчатобумажного матраца, расстилаемого на ночь для сна и убираемого утром в шкаф.

[Вернуться](#)

13

Дзельква, или *зельква*, – род деревьев семейства Вязовые. Встречается в Японии, в Центральном и Южном Китае, Закавказье, Передней Азии, на о. Крит.

[Вернуться](#)

14

Коричник камфорный, *камфорный лавр*, или *камфорное дерево*, – вечнозеленое дерево семейства лавровые. Родиной камфорного дерева является Восточная Азия: южные и юго-западные районы Китая, Тайвань, японские о-ва Рюкю, Кюсю, Сикоку, Хонсю и корейский остров Чеджудо. На родине доживает до 1000 лет.

[Вернуться](#)

15

«*Минато-Мираи 21*» («Гавань будущего 21», *яп.*), также известный просто как «Минато-Мираи», или коротко ММ, – центральный деловой район японского города Йокогама. Основанный в 1980-е гг., он был создан как крупный городской центр и имел генеральный план развития. Должен был соединить традиционно важные районы и деловые центры квартала Каннай и район железнодорожной станции Йокогама.

[Вернуться](#)

16

Линия Кэйхин-Тохоку – железнодорожная линия японского железнодорожного оператора «Ист Джапэн рэйлуэй компани», протянувшаяся от станции Омия, расположенной в городе Сайтама в префектуре Сайтама, через центральный Токио до станции Йокогама, расположенной в городе Йокогама префектуры Канагава.

[Вернуться](#)

17

Имеются в виду ртутные газоразрядные лампы – электрические источники света, в которых для получения оптического излучения используется газовый разряд в парах ртути.

[Вернуться](#)

18

В оригинале идиоматическое выражение, буквально «Не поймешь, даже если лиса схватит за нос».

[Вернуться](#)

19

От немецкого Heim – «дом, убежище».

[Вернуться](#)

20

Миура – полуостров в Японии в префектуре Канагава, расположен южнее Токио и Йокогамы.

[Вернуться](#)

21

Префектура, в которой находится город Йокогама.

[Вернуться](#)

22

Специальное место в японском доме, куда задвигаются ставни, – как правило, небольшой короб у двери.

[Вернуться](#)

23

Кинкаку-дзи («Золотой павильон», *яп.*) – один из храмов в комплексе Рокуон-дзи («Храм оленьего сада», *яп.*) в районе Кита города Киото, Япония. Павильон был построен в 1397 г. как вилла для отдыха сёгуна Асикага Ёсимицу. Весь он, кроме нижнего этажа, покрыт листами чистого золота. Используется как хранилище реликвий Будды. На его крыше установлена фигура китайского феникса.

[Вернуться](#)

24

Патинко – игровой автомат, представляющий собой промежуточную форму между денежным игровым автоматом и вертикальным пинболом; необычайно популярен в Японии из-за особенностей местного законодательства.

[Вернуться](#)

25

Центральная часть города Йокогама.

[Вернуться](#)

26

Со Ёситоси (1568–1615) – японский политический и военный деятель, самурайский полководец. Глава самурайского рода Со, правителей о. Цусима. Основатель и первый правитель княжества Цусима-хана.

[Вернуться](#)

27

Кицунэ – в японской мифологии лисы-оборотни. Считаются умными хитрыми созданиями, умеющими превращаться в людей.

[Вернуться](#)

28

Хирагана – один из двух видов слоговой азбуки, используемой в японской письменности наряду с иероглифами.

[Вернуться](#)

29

Магматическая порода, сформировавшаяся из лавы и пепла. Камень был использован при строительстве имперского отеля Фрэнка Ллойда Райта в Токио. Одной из причин популярности этого

камня является то, что он имеет теплую текстуру и легко вырезается, что обеспечивает большую универсальность.

[Вернуться](#)

30

Сятихоко – мифическое существо с телом рыбы, головой тигра, поднятым вверх хвостом и острым пилоподобным плавником на спине. Считается, что сятихоко может вызывать дождь. Его изображение часто используется в архитектуре Восточной Азии, в частности Японии, как противопожарный оберег.

[Вернуться](#)

31

Известные районы в черте города Эдо, где в XVII–XIX вв. располагались места публичных казней. Сохранились записи о том, что практически ежедневно там проводилось множество казней.

[Вернуться](#)

32

Серенада № 13 соль-мажор, К. 525, более известная как «Маленькая ночная серенада» (*Eine kleine Nachtmusik*, нем.), – серенада в четырех частях, написанная В.А. Моцартом в 1787 г.; является одним из самых известных и наиболее узнаваемых произведений великого композитора.

[Вернуться](#)

33

Гэнкан – зона у входной двери, традиционная для японских домов и квартир, представляет собой комбинацию крыльца и прихожей. Гэнкан предназначен для того, чтобы входящие в дом люди сняли обувь, прежде чем попасть в жилую часть дома.

[Вернуться](#)

34

О-Миаи («смотрины», *яп.*) – традиционный японский обычай, тесно связанный с западным сватовством, в котором женщина и мужчина представляются друг другу, чтобы рассмотреть возможность брака. По-прежнему часто встречается в современном мире.

[Вернуться](#)

35

Речь идет о «хафу» – японское определение, обозначающее людей полуяпонского происхождения, то есть имеющих одного родителя-неяпонца. Определение происходит от английского *half*, то есть «полукровка». В обществе того времени было неоднозначное отношение к таким людям.

[Вернуться](#)

36

Универсальный тост, повсеместно распространенный в Японии и означающий пожелание пить до дна.

[Вернуться](#)

37

Хостесс-клуб – разновидность ночных клубов, встречающихся главным образом в Японии. Работающие в них женщины обслуживают мужчин, ищущих выпивки и внимательного собеседника.

[Вернуться](#)

38

Флаг Японии, также известный как «солнечный флаг»; представляет собой белое полотно с большим красным кругом в середине, олицетворяющим восходящее солнце. Сейчас часто ассоциируется с военной агрессией и империалистическими идеями Японии военного времени.

[Вернуться](#)

39

Имеется в виду истребитель наземного базирования Kawanishi N1K-J Shiden («Фиолетовая молния»), морской истребитель-перехватчик «Сидэн» Императорской армии Японии времен Второй мировой войны.

[Вернуться](#)

40

Имеется в виду легкий палубный истребитель Mitsubishi A6M Reisen Zero. Получил большую известность под краткими обозначениями: японским «Рэйсэн» (сокращение от Rei Sentoki – истребитель 0) и англоязычным «Зеро».

[Вернуться](#)

41

Театр Но – один из видов японского драматического театра, ориентированного на дворян и аристократов. Пьесы строятся вокруг ограниченного количества актеров «якуся» в канонических амплуа. Профессиональные исполнители – мужчины.

[Вернуться](#)

42

Тихоокеанский театр военных действий Второй мировой войны (1941–1945) – боевые действия, проходившие во время Второй мировой войны на Дальнем Востоке, Юго-Восточной Азии и на Тихом океане.

[Вернуться](#)

43

Нападение на Пёрл-Харбор – внезапная комбинированная атака воздушных и подводных сил японского флота на американские силы, находившиеся на военно-морской базе в Пёрл-Харборе (Гавайские острова). Атака произошла утром 7 декабря 1941 г., до формального вступления США во Вторую мировую войну.

[Вернуться](#)